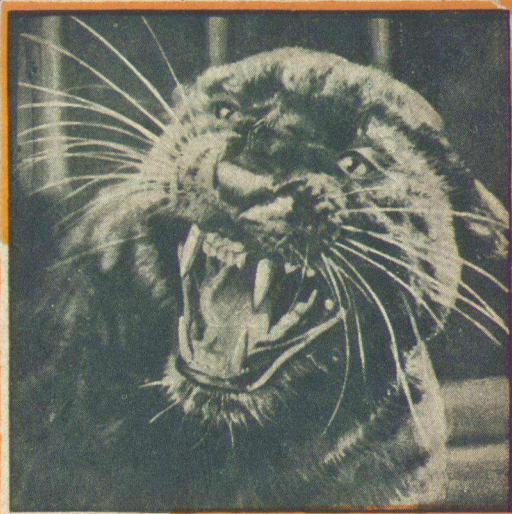

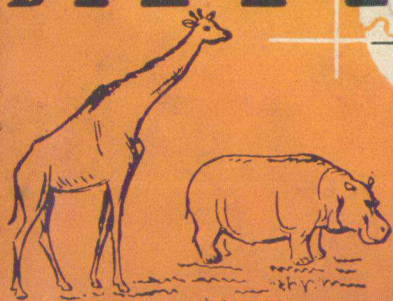
ШУЛЬ

ОХОТА

За дикими зверями

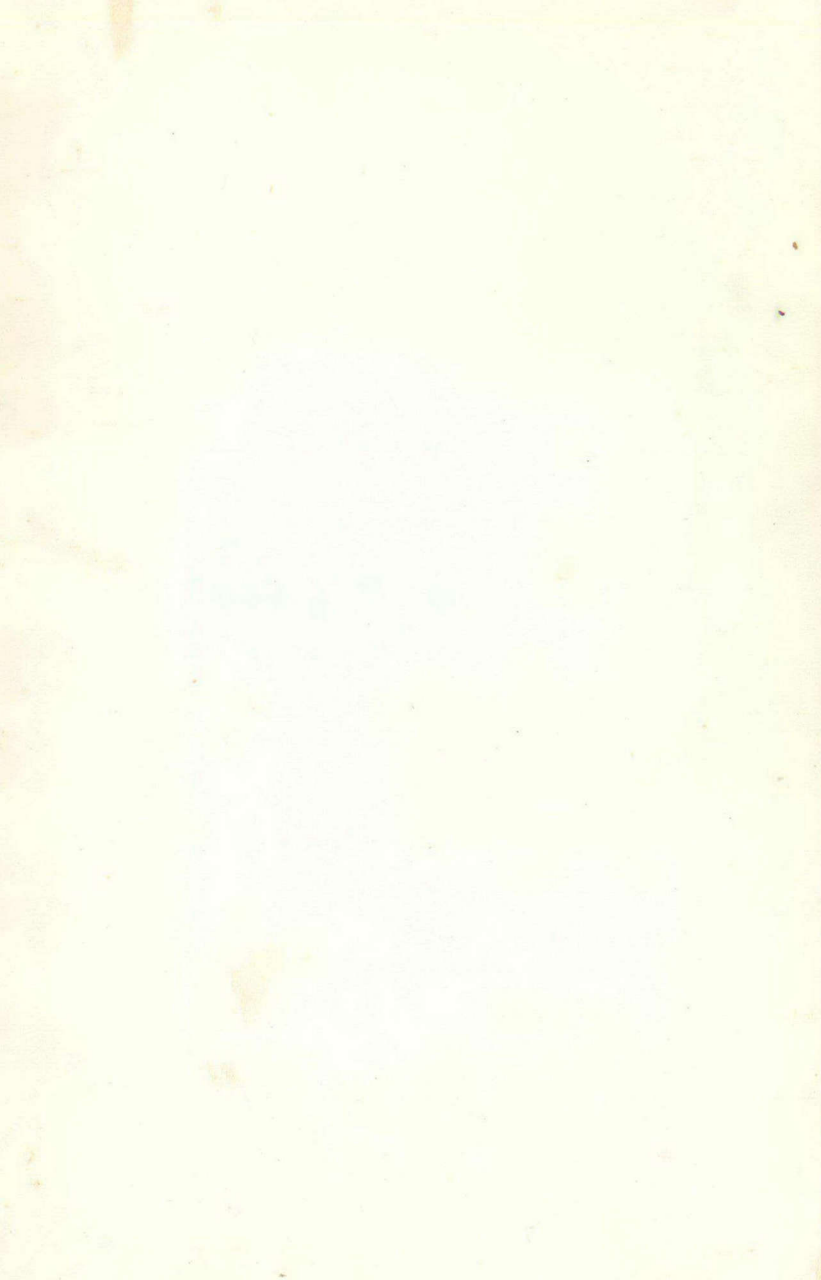

В АФРИКЕ

193

★ МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

200

БИБЛИОТЕКА МОЛОДОГО НАТУРАЛИСТА

ХР. ШУЛЬЦ

Ш 959

ОХОТА
ЗА ДИКИМИ ЗВЕРЯМИ
В АФРИКЕ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
ЕВГ. ТРОПОВСКОГО

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО
И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1 9 3 0

Типография Изд-ва „Молодая
Гвардия“. Ленинград, В. О.,
б л., 28. Зак. Изд-ва № 4400.
Главлит № А-74353. Тираж
10.100 экз. Печатн. лист. 7.

6316

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга представляет в своем роде новость в довольно богатой уже литературе о диких зверях восточной Африки и об охоте на них. В ней говорится не об охоте с ружьем; она знакомит нас с невзгодами и радостями зверолова, с его жизнью в степи и в пути во время транспортировки животных, с обстановкой и приемами, при помощи которых он ухитряется изловить живыми зверей.

Приемы ловли живых зверей совершенно незнакомы широкой публике. Это прежде всего можно объяснить тем обстоятельством, что у нас имеется по этому, столь специальному, предмету лишь крайне скудная литература. И неудивительно. Кто проводит целые месяцы своей жизни в чаще девственного леса или в беспредельных степях, питает обычно вполне понятное отвращение к тесным стенам кабинета.

Тем более можно приветствовать появление настоящей книги. Автор ее, Христоф Шульц, в течение многих лет с большим успехом работал в качестве представителя фирмы Гагенбек (в Штеллингене близ Гамбурга) сначала в западной, а потом в восточной Африке. Там я познакомился с ним много лет тому назад в Аруше, а потом, во время мировой войны, судьба опять свела нас на о. Мальте, в плену у англичан. Там он вручил мне однажды рукопись своих восточно-африканских воспоминаний с просьбой просмотреть их. Я тем охотнее согласился это сделать, что области, в которых работал Шульц, знакомы мне по собственным наблюдениям. С большим интересом читал я врученные мне страницы и мысленно сопутствовал автору в его

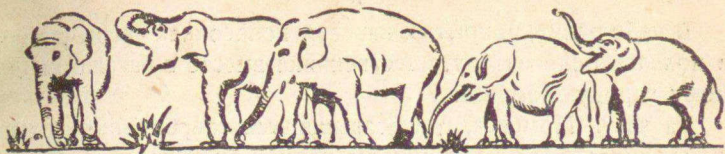
экспедициях за живыми носорогами и гиппопотами, жирафами и зебрами. Перед мысленным взором былого „африканца“ встают снова широкие степи у берегов озера Маньйара, величественные высоты Килиманджаро и Меру и желтые, лениво катящиеся волны Руфиджи с ее отмелями, гиппопотами и крокодилами.

Я хочу указать еще на то, что автор сообщает нам много наблюдений совсем новых или мало известных, которые увеличат запас наших познаний о мире африканских животных, их распространении и условиях их жизни.

Эдуард Эльвен, зоолог.

Мальта,
ноябрь 1919 г.

Глава I

В восточную Африку — для зоопарка Карла Гагенбека

— Ну, будь здоров, мой мальчик, и привези мне несколько резвых носорогов. Вот будет чудесно!

Так наполовину серьезно, наполовину шутя простился со мной старик Гагенбек в день первого моего отъезда в восточную Африку. Я недавно только вернулся в Гамбург из западной Африки с транспортом диких зверей, обогатив Штеллинггенский зоопарк несколькими десятками представителей африканской фауны. К моему величайшему сожалению, в числе их не было так называемого карликового гиппопотама (*Choeropsis*), за которым я давно уже гонялся. В отдаленных от моря местах республики Либерии мне удалось напасть на след этого, совсем мало до сих пор известного зверя (его знают лишь по скудным описаниям Мортонна и по немногим привезенным в Европу Бютикофером шкурам и скелетам), и для меня было вопросом чести заполучить этого карликового сородича колосса-гиппопотама. Я почти добился уже цели, но вдруг заболел жестокой болотной лихорадкой. Волей-неволей пришлось отказаться от лавров пионера и вернуться на родину. Когда я оправился, меня снова потянуло к работе.

В Неаполе я сел на пароход „Кронпринц“ германского восточно-африканского пароходства. Его рейс лежал через Средиземное море, Суэзский канал, Красное море и Индийский океан. После девятнадцатидневного пути мы бросили якорь в Килиндини-Момбаса, в английских владениях восточной Африки. Это — главный порт английской колонии, привлекающий к себе много судов.

В небольших, покрытых навесом колясочках негры-рикши в полчаса подвозят путешественника вместе с багажом к самому городу Момбаса.

Та часть Момбаса, где возвышаются современные гостиницы, почта и телеграф, школы, церкви, конторы и магазины, производит впечатление европейского города. Развалины крепости XV столетия представляют собой последние следы бывшего португальского владычества, а высокие, построенные из камня, арабские дома говорят об ушедшей в область прошлого власти арабов. Правда, над крепостью все еще развевается алый флаг занзибарского султана, но он является лишь символом дипломатической „вежливости“ Великобритании. Две, не очень широкие, чистенькие улочки ведут через деловой квартал. Кварталы, населенные индусами и неграми, с узкими, кривыми, грязными, чуждыми всякой гигиены переулками, производят отвратительное впечатление.

Почти все крупные торговые предприятия находятся в руках европейцев и индусов, и лишь небольшие лавчонки и лари на базарной площади имеют своими хозяевами исключительно индусов, арабов и негров-свагили. На базаре поражает сразу пестрая, поистине восточная игра красок. Люди всевозможных племен и рас толпятся между разнообразнейшими произведениями природы. Целые горы клубней маниоко, бататов, сахарного тростника, кокосовых орехов, ананасов, апельсинов, лимонов, колоссальных плодов манго возвышаются рядом с доставляемыми с нагорий европейскими овощами. Куры, утки, голуби, свежая говядина и баранина продаются тут на ряду со всевозможными кореньями и пряностями Индии и Аравии.

Тут же возвышаются жалкие лари и лавчонки. Здесь открыл свое примитивное „ателье“ индус-парикмахер, бреющий догола головы негров. Там — арабское кафе, рядом с ларем, за которым негр-свагили крикливо предлагает покупателям рыбу. Неопишуемая смесь ароматов реет в воздухе над этой картиной. Глаз радуется богатству красок, о каком едва позволяет мечтать самая смелая фантазия художника.

Сразу я не мог, однако, отправиться на ловлю. Предварительно мне пришлось получить от местных властей необходимые документы, разрешение на право охоты, а также ознакомиться с местными условиями.

Мне неожиданно скоро удалось исполнить желание старика Гагенбека. Незадолго до моего приезда на станцию Фои, Угандской железной дороги, прибыл какой-то колонист из германских владений с двумя молодыми носорогами. Узнав об этом, я решил немедленно отправиться туда и приобрести два экземпляра для Штеллингенского зоопарка.

Поезд мчится сначала через чудный пальмовый лес. За ним виднеются деревушки туземцев, ютящиеся под сенью темно-зеленых мангровых деревьев. Курчавые, совершенно голые ребятишки-негры с криком бегут вслед за поездом. Кой-где виднеются одиноко пасущиеся козы. Коровы и быки попадаются редко, так как в этой полосе свирепствует муха цеце, делающая невозможным разведение крупного рогатого скота.

Вот и станция Махакос. Здесь последняя возможность запастись ананасами, бананами, апельсинами и другими фруктами на весь дальнейший путь через степь. Полоса пальм осталась позади, местность приобретает характер типичного паркового ландшафта. Кое-где возвышаются могучие баобабы, между ними одиноко стоят высокие зонтичные акации. Неприятна взметаемая поездом красная пыль, проникающая через тончайшие щели в дверях и окнах. Для защиты от ярких солнечных лучей спускаются дымчатые запасные стекла. Часов шесть спустя поезд попадает в степь, поросшую густым, почти непроходимым колючим кустарником и высокими молочаями.

Часов в семь вечера мы подъезжаем к станции Фои.

На следующий день рано утром я отправился к лагерю колониста. Как забилось мое сердце, когда я увидел перед собой в наскоро сооруженном краале¹ двух великолепных

---

¹ Загородка, устраиваемая в африканских дебрях для прирученных только что пойманных домашних животных.

носорогов. Это были двухлетние двурогие носороги. Не мало невзгод и опасностей пришлось претерпеть колонисту, прежде чем удалось загнать обоих толстокожих в этот крааль. Охота на носорогов принадлежит к числу опаснейших видов охоты; но в тысячу раз больше рискует зверолов, пытающийся взять живьем этих свирепых животных.

Мы скоро договорились о цене, и я протелеграфировал в Гамбург: „Приобрел двух носорогов“. Через несколько часов получился ответ: „Поздравляю Гагенбек“. Так как по Угандской железной дороге курсировали только два поезда в неделю, то я воспользовался своим пребыванием в Фои и совершил несколько экскурсий в степь, чтобы познакомиться с местной фауной. Почти вся низменность покрыта колючим степным кустарником, кое-где над равниной возвышаются высокие горы. Животный мир здесь очень разнообразен. Многочисленные виды антилоп, жирафы, носороги, львы и леопарды, дикие кабаны, обезьяны и бесчисленное множество птичьих пород находят себе приют в степи. Густой переплет следов и троп вел к реке Фои, куда звери ходят на водопой.

Доставка обоих носорогов к берегу не представляла особых трудностей. Мы воспользовались для этой цели железной дорогой. Гораздо труднее перевозить животных в местностях, лишенных дорог. Там приходится иногда пролагать шаг за шагом дорогу, по которой с трудом может пробираться караван со зверями. Подобные экспедиции за живыми зверями поглощают колоссальные суммы денег, причем зверолову отнюдь не приходится пользоваться тою роскошью, какая обычно бывает к услугам современных охотников-спортсменов и праздных путешественников по Африке. Ему приходится прежде всего наблюдать и изучать зверей в их природных условиях; невредимыми взять их в неволю, в моменты опасности действовать решительно и нередко рисковать жизнью для спасения других. Но это еще не все. Зверолов должен доставить свою добычу здоровой и в хорошем состоянии на берег моря, а оттуда в культурные страны. Чтобы все это выполнить, он должен

накопить богатый опыт. Содержание животных и надзор за ними представляет собой особую науку, которую может усвоить лишь большой любитель животных. Каждое животное требует индивидуального к себе отношения. Кроме того, большинство животных долго не может прийти в себя от страха, пережитого во время пленения, а новизна окружающей обстановки повергает их иногда в такое возбуждение, что они умирают от разрыва сердца. Все это должен учесть наперед опытный зверолов. Караван со зверями должен вести с собой некоторое количество дойных коров, коз или иметь запас свежего молока, чтобы обеспечить питание молодым зверенышам. А если приходится проходить через местности, бедные водой, то караван тащит с собой большой запас воды на вьючных животных или на головах носильщиков. Начальнику каравана приходится при этом заботиться, чтобы животные и люди имели в пути все необходимое. Привязанность многих животных к людям, завоевавшим их доверие, иногда буквально поразительна.

Обоих носорогов, Боба и Марианну, я отвез при помощи двух сторожей, негров-массаи, на берег моря. Благодаря привязанности животных к их черным „няням“, это путешествие сошло очень легко. До железнодорожной станции Боб и Марианна бежали, как собачонки, за своими сторожами. Они последовали за ними по мосткам в вагон и доехали так до Момбасы. Полянка вблизи города, заросшая дикой растительностью, была точно создана для моих носорогов. Владелец поляны, очень любезный австриец, строивший там гостиницу, предоставил ее в мое распоряжение и сам проявлял очень живой интерес к моим питомцам. Для жителей Момбасы прибытие носорогов было экстраординарным событием. Туземцы поспешили окрестить меня именем „Бвана Кифару“, что означает на языке свагили: „Господин Носорог“. У негров имеется своеобразная привычка называть всякого европейца по какому-нибудь бросающемуся в глаза признаку, совершенно игнорируя его европейское имя.

Насколько Боб и Марианна были кротки по отношению к своим сторожам и ко мне, настолько же они становились

„невежливыми“ по отношению к назойливым посетителям. Некоторые из них поплатились за попытки подойти к ним поближе очень неприятными последствиями. Одним из первых был владелец поляны. Он имел обыкновение каждый раз, приезжая на постройку своей гостиницы, делать раньше всего визит носорогам и давать им кое-какие лакомства. Однажды ему захотелось пощекотать Боба, но носорог неправильно истолковал его движение и, сердито фыркая, направил против него свой рог. Хозяину пришлось искать спасения в бегстве. Преследуемый Бобом, он взбежал на самую верхушку кучи песку, Марианна тоже бросилась на помощь своему товарищу. Лишь появление сторожа положило конец этой трагикомической сцене. Животные без сопротивления последовали за черным массаи, оставив в покое перепуганную жертву.

Довезя носорогов благополучно до места и зная, что оставляю их под хорошим присмотром, я мог без всякого беспокойства заняться поисками других зверей. Сначала я отправился на пароходе в Тангу, в германских восточно-африканских владениях. Непосредственно за Тангой плотно железной дороги тянется вдоль кокосовых плантаций, затем кокосовые плантации сменяются каучуковыми, состоящими из роскошных деревьев и напоминающими хороший европейский лиственный лес. Куда ни глянешь, видишь повсюду порядок и настойчивую работу.

Танга — красиво расположенный городок с широкими, обсаженными деревьями, улицами, изящными домами, хорошими немецкими гостиницами. Прекрасно устроенная больница, почта и телеграф, здание окружного управления, несколько христианских церквей и школ, банки, конторы и магазины свидетельствуют о цветущем состоянии города. Черные служащие почтамта говорят по-немецки. День прихода и ухода пароходов является праздником для жителей города и чествуется концертом негритянского школьного оркестра на площади Бисмарка.

Из Танги я сделал несколько экскурсий в горы Узамбара и к реке Пангани. Немногие страны на земле могут

похвастать столь богатой и разнообразной фауной. Заросли вдоль реки кишмя кишат проворными и забавными мартышками. Плантаторы ненавидят эту породу обезьян, живущую преимущественно на деревьях. Другое ненавистное для плантаторов животное—это тапир, или водяная свинья. Тапиры причиняют огромный вред маисовым и маниоковым полям. Они не только наедаются доотвала, они уничтожают все, что попадает им по дороге. Плантаторы преследуют этих вредителей, где только можно. Лев и леопард—единственные животные, которые могут справиться с этими „чернокожими“ животными. Благодаря этому последние хищники пользуются покровительством со стороны колонистов.

Из крупных зверей мне удалось приобрести в местечке Шумевальде великолепного кафрского буйвола (*Bubalus caffer Zukowsky*). Это было могучее чернобурое животное с мощными рогами, темными глазами, мохнатой шерстью и длинными космами вокруг ушей. Буйвол этот был перевезен вместе с несколькими другими животными к берегу моря. В Танге я сел опять на пароход и, спустя двадцать четыре часа, проехав через Занзибарский пролив, причалил в Дарессаламе.

Дарессалам, главный город германских восточно-африканских владений, не только очень красив, но обладает вдобавок лучшей гаванью на всем восточном побережье. Пароход приближается к белому пляжу берега. На заднем плане отчетливо выделяются два островка. Кущи пальм и белые стены домов оживляют пейзаж. Пароход огибает слева островки и входит в гавань через проход шириной около 150 метров. Великолепные храмы, правительственные здания и виллы; сквозь зеленый пояс кокосовых пальм сверкают белые стены и красные крыши.

Чистые, широкие, обсаженные акациями улицы пересекают город. Памятники украшают площади. Повсюду оживление. По улицам снуют „рикши“ со своими двуколками. Отели, клубы, торговые заведения, пивоваренный завод, фабрика искусственного льда и другие заведения обеспечивают потребности европейца. В туземном квартале

и в квартале индусов царят тоже, несмотря на пестроту населения, порядок и чистота. В окрестностях города пальмовые рощи чередуются с лужайками и тщательно обрабатываемыми плантациями.

Климатические условия здесь, на берегу, хуже, чем в глубине страны, на северных нагорьях. Однако и здесь при соответствующих условиях работы (тяжелый физический труд, само собой разумеется, непосилен для белого) европеец может прожить много лет без вреда для здоровья, если он соблюдает некоторые несложные профилактические меры (хинин, умеренное употребление крепких напитков и т. д.) Даже малярия, благодаря современному развитию так называемой „тропической“ гигиены, почти совсем перестала быть пугалом. Можно смело сказать, что обычные тропические болезни, от которых не застрахован ни один колонист, в общем не так опасны, как полагают.

Здесь, в Дарессаламе, мне повезло. В нашем Штеллингенском зоопарке имелось несколько индийских слонов, африканских же не было ни одного. Один экземпляр слона мне удалось приобрести при довольно исключительных обстоятельствах. На полуторагодовалого слона Юмбо был наложен судебный арест, и он находился под присмотром полицейского вахмистра Фрица. На шее у животного висела на казенном черно-бело-красном шнуре обычная печать, накладываемая судебным исполнителем на описанное судом имущество.

Юмбо содержался в боме ¹ и был отряжен для качания воды из колодца. Он обычно прекращал работу, накачав достаточное для удовлетворения собственных потребностей количество воды. Совершенно ручное животное было использовано еще в качестве разносчика плакатов. Маршируя по улицам, слон нередко расшвыривал корзины с продуктами торговцев-негров, что вызывало каждый раз чрезвычайную суматоху. Как истый африканец, Юмбо проявлял особую склонность к помбе ², не брезгуя, однако,

¹ Окружное управление.

² Луземное пиво.

Слон Юмбо, разгуливающий свободно по улицам гор. Дарессалама.

и европейским пивом. Поэтому он охотнее всего бродил поблизости отелей и ресторанов, где допивал остатки пива из кружек. Он не стеснялся при случае протянуть свой хобот через головы неожиданных подобного сюрприза посетителей в только что налитые кружки. Испуганный посетитель не успевал оглянуться, как кружка уже была пуста до дна. Хотя Юмбо находился под полицейским присмотром, однако полиция не научила его различию между „моим“ и „твоим“.

Не легко было мне приобрести этого слона в собственность: пришлось внести сумму, которая была наложена на арестованного Юмбо, и лишь при содействии адвоката был он отправлен с ближайшим транспортом в Европу. По дороге я поохотился еще в окрестностях Морогоро и прибавил к довольно значительному транспорту еще несколько лесных козлов, гиэн и других животных.

Наступление дождливого периода сделало невозможным дальнейшую охоту.

Приблизительно в то же время от администрации английской колонии поступило предложение приобрести индийского слона. Я снова отправился в английские владения. Этот слон был за год перед тем привезен администрацией колоний в качестве вьючного животного для Угандской области. Опыт не оправдал ожиданий.

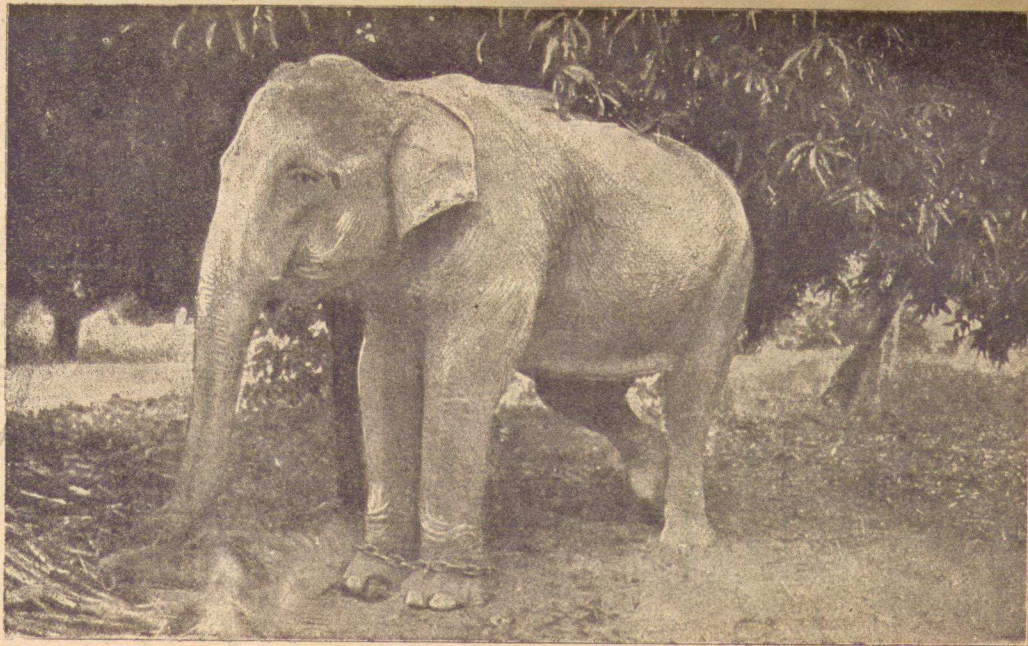
Между индийским слоном (*Elephas indicus* L) и африканским (*Loxodonta africana* Vebch) существует большая разница. У африканского слона уши значительно больше, чем у индийского. Лоб у африканского слона плоский, между тем как у индийского он сводообразный. Бивни африканского слона сильнее развиты, чем у индийского. У африканских слонов и самец и самка имеют бивни у индийских же самки их не имеют. Высота спины у африканского слона значительно больше, чем у индийского.

Администрация прислала в Момбасу индийского слона Футки вместе с его магутом ¹. Этот колосс, бесспорно, был

¹ Индус-присмотрщик.

6316

2-4400

Индийский слон Футки,

ПЕЧАТЪ СЕРИИ
КА
1919

самым избалованным и дорогостоящим животным из всех моих питомцев. Кроме восьми килограммов риса, он поглощал ежедневно еще огромное количество сахарного тростника и бананов и требовал ежедневного купанья. Днем слоны обсыпают себя землей и песком в защиту от мух. Смешиваясь с потом, земля образует форменную кору на коже, которую приходится смывать водой и жесткой щеткой. Футки приходилось в Момбасе водить каждый день к колодцу, неподалеку от германского консульства. Там он опускался на колени; негры доставали воду из колодца и обливали ею колосса, а надсмотрщик, стоя на его спине, очищал его кожу веником.

Я нашел для Футки удобное место поблизости от убежища носорогов. Там стояло высокое и крепкое мангровое дерево. Слон был привязан к нему и находил под ним защиту от солнечных лучей. Место это постоянно осаждалось зеваками. По какому-то древнему индийскому поверью, бесплодные женщины, проползая под животом слона, возвращают себе плодовитость. Многие индусы поэтому приводили сюда своих закутанных в покрывала женщин и заставляли их проползать между ног слона. Кроме того, индусы заботливо уносили с собой куски слоньего кала, освобождая сторожей от необходимости чистить площадку. По всем вероятностям, здесь тоже играло роль какое-нибудь религиозное поверье.

Несколько недель спустя к обществу Боба и Марианны прибавился еще один носорог, которому было дано его родовое имя на языке свагили — Кифару. Это был молодой самец, ростом немного поменьше Марианны. Его появление вызвало интересную сцену. Вновь пришедший был встречен громким фырканием Боба и Марианны и для начала получил довольно сильный толчок. После обмена тумаклами в качестве приветствия животные подружились и к вечеру уже спали в полном согласии рядом.

Изумительно, сколько ловкости и проворства обнаруживали носороги в игре, несмотря на свою неуклюжесть. Посетители часами забавлялись их играми. В числе посто-

янных посетителей находился какой-то патер из соседней миссии. Благодетельный прошел однажды утром, когда сторожа не было, в загородку носорогов. Вдруг Боб и Марианна с фырканием кинулись навстречу оторопевшему патеру, а тот, задрвав полы сутаны, пустился наутек. Комизм положения усилился еще тем, что патер в паническом бегстве сбил с ног проходившую мимо него чету, на которую в свою очередь набросились носороги. Нежный супруг спасся бегством на своих длинных ногах, оставив на произвол судьбы лэди, которая выставила для защиты яркий зонтик. Сторожа подоспели во-время и спасли растерявшуюся женщину.

Когда прибыл в гавань океанский пароход „Герцог“, весь транспорт был отправлен в Килиндини, где мы и погрузили его на пароход в заранее заготовленных ящиках. Только индийского слона Футки нельзя было везти в ящике. Его вывели на набережную и с помощью протянутого под животом пояса и многотонного крана спустили на лихтер¹. Лихтер был подведен на буксире к пароходу. Толстокожего колосса подняли при помощи судовых кранов на борт парохода, где был для него приготовлен ящик-клетка.

В продолжение всей посадки индус-надсмотрщик сидел на затылке у слона, успокаивая животное. Однако слон пустился в свое воздушное путешествие только после энергичного сопротивления. Особенно он расвирился при переправе на пароход, когда крановые цепи не слишком нежно задели его, и он стукнулся головой о борт парохода. Слон поднял оглушительный трубный рев и стал колотить кругом своим хоботом и ногами. Необходима была вся находчивость магута, чтоб его успокоить. Лишь с большим трудом удалось ввести его в клетку. Привыкший к свободе движений слон, когда дверь клетки за ним закрылась принялся разрушать свое жилище. Несмотря на то, что у него были связаны и передние и задние ноги, несмотря на крепкую конструкцию ящика, он все же частично его разрушил.

---

¹ Плоскодонное судно для перегрузки транспортных кладей с берега на глубоко сидящие в воде суда.

Нам пришлось освободить взволнованное животное и подыскать для него изолированное место на палубе, где не было объектов для проснувшейся в нем мании разрушения.

После Футки мы погрузили на пароход носорогов. Они тоже были очень возбуждены и вели себя в своих клетках, как сумасшедшие. Чтоб сколько-нибудь успокоить их, я хотел взять на палубу сторожей-негров. Но это оказалось самой трудной частью всей погрузки. Оба дикаря, уроженцы отдаленных от моря мест африканского материка, и без того растерялись, увидав впервые безбрежное море и плавающие по нему сказочные суда; ступить же на одно из них не соглашались ни за какие блага в мире. Потребовалось все мое красноречие, чтоб усадить плачущих от страха взрослых мужчин в лодку и поднять на пароход. Страх, любопытство, изумление сменялись в их оживленной мимике. Все для них непонятное, в особенности же электрическое освещение, его включение и выключение, наводило на них суеверный ужас.

После того, как негры накормили в последний раз и успокоили своих питомцев, я отпустил их с ценными подарками на родину.

Трудно описать, сколько забот выпадает на долю проводника транспорта, если он хочет довести животных здоровыми до Европы. Не говоря уже о том, что большая часть их должна привыкнуть к необычному корму, дикие звери сильно страдают от тесноты клеток и от новых климатических условий. Качка тоже производит на большинство животных свое действие. Они страдают морской болезнью и отказываются от пищи. Большую помощь в пути оказывал мне взятый с собою магут.

Почтовый пароход „Герцог“ был превращен буквально в „ноев ковчег“. Кроме слонов и носорогов, я вез с собой много клеток с антилопами, в том числе великолепную элен-антилопу, лесных и болотных козлов, кафрского буйвола, обезьян, крокодилов, змей, страусов и всякого рода птиц. Они помещались частью на палубе, частью в трюме

и в каютах. Больше всего хлопот доставляла мне обезьяна колобус. Эта порода обезьян, благодаря особенной чувствительности к перемене питания, с большим трудом поддается перевозке. Мне удалось, однако, довести ее в полном здравии и благополучии до Гамбурга.

Самое трудное время наступало для меня, когда мы заезжали в какой-нибудь порт. Движение и топот на палубе, лязг подъемных машин и цепей при погрузке и разгрузке клади приводили животных в возбуждение. Когда мы уходили в открытое море, животные мало-по-малу успокаивались.

Было очень потешно, когда оба наших слона встретились во время утренней прогулки на палубе. Индийский слон—весьма добродушная самка, Юмбо же — молодой самец, поэтому опасаться враждебных отношений между обоими животными не приходилось. Юмбо подошел к самке, обнюхал ее и уже больше не интересовался своей спутницей. Футки была, очевидно, не очень довольна равнодушием молодого самца, и когда Юмбо повернулся к ней задом, Футки шлепнула его хоботом по задней ноге. Юмбо со страху стал жалобно трубить на всю палубу. Футки презрительно поворчала и оставила в покое молокососа-африканца.

Юмбо поместили на носу палубы. Матросам приходилось проходить мимо него. Слон доверчиво протягивал каждому проходящему хобот. Его щедро подкармливали кусками сахара, хлебом и фруктами. Но однажды какой-то желчно настроенный араб бросил в широко открытый рот слона кусочек льда. Так как колбообразный язык слона не дает ему возможности выплюнуть попавший между языком и небом предмет, то Юмбо вынужден был проглотить лед и страшно испугался незнакомого ощущения холода. Он запомнил, однако, врага. Однажды утром, когда мы пустили его на прогулку, ему попался по пути так зло пошутивший над ним араб с чайником в руке. Юмбо вырвал у него из рук чайник и, не задумываясь, вылил себе его содержимое в глотку. Кипяток обжог ему рот, и Юмбо со злобой бросил чайник на палубу. Предполагая, что это была новая каверза

араба, он в бешенстве набросился на последнего. Араб с молниеносной быстротой вскарабкался на лестницу. Этот случай заставил меня поместить Юмбо в более изолированной части палубы. Насколько добродушны эти животные в повседневной жизни, настолько они становятся злыми, если их кто-нибудь обидит; при том у них необычайная память.

Однажды я лег спать после утомительного дня, вдруг кто-то из парходной прислуги разбудил меня криком:

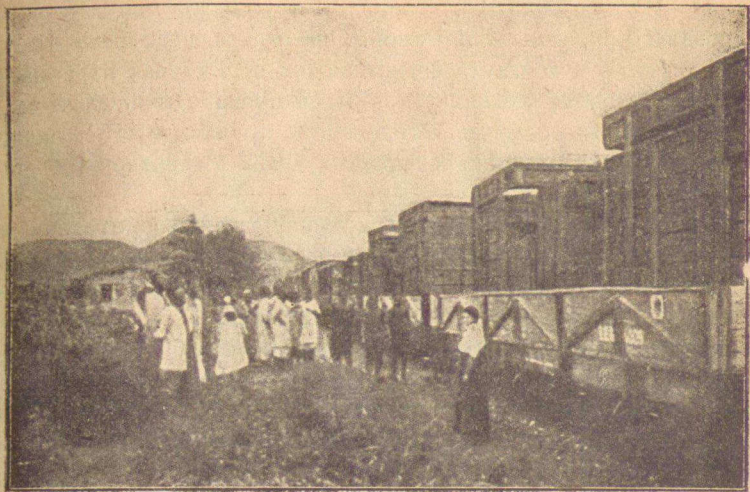
— Бегите скорей, Юмбо вырвался на свободу!

Я захватил с собой полную горсть сахара и без труда отвел Юмбо, забравшегося бесцеремонно в столовую, на место. При содействии нескольких матросов я наскоро выстроил для него нечто вроде крааля, чтоб предоставить животному некоторую свободу движений, не давая ему возможности бегать по всему пароходу. Мы с большим трудом устали тяжелые клетки с носорогами, буйволом и другими животными вокруг Юмбо, полагая, что они достаточно тяжелы, чтоб служить загородкой для слона. Я вторично собирался заснуть, но меня разбудили снова.

— Юмбо опять на свободе!

Юмбо встретил меня, радостно урча, и послушно последовал за мной на свое место, ожидая от меня сахара. На этот раз пришлось привязать его канатами. Во время прогулки Юмбо смертельно напугал старшего судового инженера, спавшего крепким сном в своей каюте. Проходя мимо его каюты, Юмбо просунул в открытое окошко хобот и стал в темноте ощупывать внутренность каюты. Инженер, почувствовав дыхание у лица, инстинктивно поднял руку и дотронулся до хобота. В голове у него мелькнула мысль, что к нему в каюту заползла одна из перевозимых мною исполинских змей, и он в ужасе вскочил с постели. Юмбо же от прикосновения руки инженера испугался сам и ушел, громко трубя. Инженеру стало ясно, с кем он имел дело. На воле слоны обычно выходят кормиться ночью; становится понятным, почему они в плену начинают бесчинствовать именно ночью. Футки тоже устраивала иногда дебоши. Однажды ночью ей вздумалось разорвать брезент, натянутый

Поезд с „живым грузом“ в ящиках-клетках.

Погрузка зверей в ящиках-клетках на вагоны-платформы.

над нею для защиты от солнца. В другой раз она заинтересовалась подъемной машиной. Она схватила хоботом один из рычагов и изогнула его, точно он был сделан из проволоки. Судовому механику пришлось проработать целый час, чтоб выпрямить рычаг. Это, однако, пришлось не по вкусу Футки; она вторично схватила рычаг и переломила его пополам.

Носороги много раз за время плавания приходили в возбужденное состояние. Тогда мне приходилось кормить их самому. Придя в дурное настроение, они иногда выбивали из моих рук чашку с кормом, так что с трудом добываемое для них молоко разливалось на пол.

По мере приближения к северу зверей приходилось защищать от влияния сурового климата. Довольно трудно было найти в ограниченном пространстве парохода защищенные места для всех животных. Мы не знали, как быть, но, благодаря любезному отношению капитана и офицеров, удалось помочь беде. Наиболее чувствительным к холоду оказался индийский слон. Пришлось перевести его на нижнюю палубу.

Мы устроили для Футки уютный уголок возле разгрузочного люка, обтянув закрывавшие его доски брезентом. Ночью слон изорвал в клочья брезент и принялся разбрасывать во все стороны щиты, закрывавшие люк. Когда рано утром, в четыре часа, магут прибежал ко мне в испуге и потащил меня к слону. Футки стояла тремя ногами на уцелевших щитах, четвертая же нога висела в воздухе. Неосторожный шаг — и грузное животное сверглось бы в пучину. Я поспешил уведомить старшего офицера, и лишь после нескольких часов работы удалось привести все в прежний порядок.

Я остался поблизости для наблюдения, и когда слон опять стал искать возможности схватить хоботом брезент, чтоб продолжать свою разрушительную работу, я крепко шлепнул его по хоботу. Зная уже, с какого места он начинает, я велел магуту обложить весь край занимаемой им площадки его испражнениями. Это сразу подействовало, ибо как

только слон прикасался хоботом, являющимся у него одновременно органом и осязания и обоняния, к своим испражнениям, он с отвращением отдергивал его. После нескольких попыток слон оставил в конце концов свои разрушительные злодеяния.

Проплыв двадцативосьмидневный путь, мы вошли в устье Эльбы.

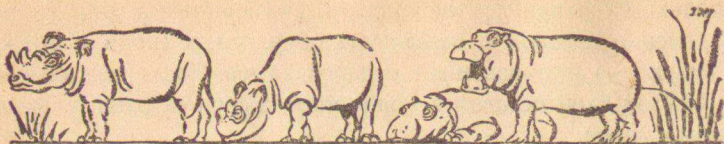
Утром началась утомительная выгрузка. Животные были потревожены уже самой переменой места, а еще более были возбуждены совершенно новой и чуждой обстановкой и зрителями, затруднявшими нашу работу. Футки, благодаря печальному прошлому опыту своему, была так обозлена поясом и подъемным краном, что никто не решался предложить ей еще раз это удовольствие.

В первые дни по прибытии я ознакомил сторожей с особенностями каждого вида животных в отношении корма, привычек и нрава. Только хорошо зная все это, возможно избежать заболеваний, которые большею частью вызываются чересчур быстрой переменой корма.

Когда я в первый раз вошел в загородку носорогов, Кифару встретил меня фырканием и наклонил голову. Мой внешний вид изменился, и это, очевидно, не понравилось ему. Лишь когда он услышал мой голос, он узнал во мне своего друга.

Больше всего я был удивлен капризным гастрономом Футки. Я увидел ее в группе индийских товарищей, уничтожающею в огромных количествах турнепс и черный хлеб—корм, который она с гордым презрением отстраняла от себя на пароходе. Повидимому, пример товарищей смягчил ее брезгливость. Африканец же Юмбо вел себя так невыносимо, что его пришлось даже изолировать. Он лишь с большим трудом привыкал к новой обстановке и новому корму.

Я снова увидел своих милых старых знакомцев, в том числе я навестил также приобретшего широкую популярность западно-африканского шимпанзе Морица. Я не думал, что он узнает меня после столь долгого отсутствия. Не успел я, однако, назвать его по имени, как он, радостно урча, прыгнул ко мне и обхватил меня за шею.

Глава II

Охота на берегах Руфиджи

Перед тем, как отправиться на охоту за живыми зверями в такую страну, как юго-восточная Африка, надо хорошо изучить условия местности, быта и сообщений. В культурных странах отправляешься просто с охотничьим билетом, ружьем, патронами, собакой, ягдташем и т. п. Едешь по железной дороге, в удобном шарабане или в автомобиле прямо на место, вечером возвращаешься домой, в худшем случае, остаешься на ночлег где-нибудь в деревне, не заботясь ни о пристанище, ни о продовольствии, ни о безопасности.

Не то в африканских джунглях! Там существуют еще степные пространства, по которым никогда не ступала нога европейца. Там иногда на протяжении десятка километров не видно ни дороги, ни тропы. В германской восточной Африке имеются всего две железнодорожные линии протяжением каких-нибудь сто километров: Узамбарская железная дорога, соединяющая Тангу с Моши, мимо Килиманджаро,—на севере, и Центральная железная дорога, соединяющая Дарессалам с озером Танганайка. Путь лежит иногда через непроходимые леса, через степи, покрытые колючим кустарником, через бесконечные травяные степи. Иногда останавливаешься перед глубокими ущельями, не имеющими спуска, или преграждающими дорогу крутыми горными хребтами. Там не спросишь о дороге местного крестьянина или встречного путника, так как иногда целыми днями не встретишь ни одного человека. Указаний приходится ждать только от компаса и карты. Имеются

большие пространства, обозначенные на карте лишь белыми пятнами, как неисследованные области.

Предпринять охотничью экспедицию на несколько недель в африканские дебри значит, при таких условиях, во-первых, обеспечить крупную сумму на дорожные расходы, затем снарядить караван и озаботиться обо всем, что может понадобиться в пути. Когда находишься глубоко в джунглях, возможность раздобыть что-нибудь позабытое или заменить изношенное или испорченное естественно связана с большой потерей времени. Только тот, кому приходилось проделывать подобные экспедиции, знает все трудности, с которыми сталкиваешься в пути. Счастлив тот, кто путешествует по казенным делам с полицейскими солдатами или туземцами-аскари и уверен в том, что получит носильщиков в глубине страны. Иное дело—частное лицо, зависящее всецело от доброй воли старшин негритянских поселений и их соплеменников. Вопрос о носильщиках—главное затруднение в охотничьих экспедициях по восточной Африке.

Пользование вьючными животными в некоторых местностях возможно. Однако в местах, расположенных ниже тысячи метров над уровнем моря, распространена муха цеце (*Glossina morsitans*), и там нельзя держать ни двухкопытных, ни однокопытных животных. До сих пор науке не удалось найти верное средство против этого вредителя, и поэтому лишь на высоких нагорьях и немногих других свободных от цеце местах имеется возможность держать домашний скот и лошадей.

Для переноски тяжестей, провизии и утвари приходится пользоваться туземными носильщиками. Каждый носильщик несет максимально оков 30 килограммов. Кладь приходится распределять по тюкам соответствующего веса. Более тяжелые предметы тащат на шестах двое или несколько носильщиков. Надо взять запас риса, проса, маисовой муки, причем на каждого человека приблизительно по кило в день. Таким образом путешествие оказывается тем дороже и затруднительнее, чем дальше углубляешься от населенных мест внутрь страны.

В Дарессаламе я снарядил караван для экспедиции к берегам Руфиджи. Консервы для каравана упаковываются в восточной Африке в небольшие ящики. Для этой цели часто берут жестянки из-под керосина. Они очень легки и их удобно нести на голове. Носильщик охотнее возьмет хотя бы доплатившуюся нагруженную жестянку, чем другой более объемистый ящик или короб, даже если последний значительно легче. Вещи, которые нельзя упаковать в ящики, заворачиваются в мешочный холст и непромокаемую материю и перевязываются кокосовыми веревками.

Во время подготовки к экспедиции я познакомился с человеком, заведывавшим крупной хлопковой плантацией в окрестностях Руфиджи. Он предложил мне отправиться вместе. Еще раньше я договорился с одним знающим местность и туземцев человеком, неким Петерсеном, ожидавшим меня в Утете.

Мы выступили после полудня из Дарессалама. Караван, состоявший из сорока носильщиков, растянулся цепью. Дорога вела через пальмовые рощи и невысокие заросли кустарника. Несмотря на прохладный морской бриз, в воздухе царил томительная жара, так что наши защитного цвета рубашки вскоре насквозь пропотели. Чтобы дать возможность носильщикам привыкнуть к ноше, мы прошли в этот день лишь небольшое число километров, после чего раздалась команда „стоп!“ Под кокосовыми пальмами разбили палатки, натаскали хворосту, роздали неграм их пошо¹. Затрещали веселые костры, негры принялись стряпать ужин. Выкупавшись и поужинав, мы уселись перед палатками и наслаждались бесподобным зрелищем тропического неба. Вскоре совершенно стемнело. Множество светлячков начало свой хоровод. Зазвенели цикады. Привлеченные светом насекомые кружились вокруг наших ламп; вскоре стали мучительно надоедать москиты. Были расставлены караулы, которым наказано было поддерживать всю ночь огонь и разбудить нас с рассветом. Вскоре весь лагерь был погружен в глубокий сон.

---

¹ Дневные порции

Носильщики с ношей в пути.

Привал каравана в пути. Справа корзины-клетки с птицей и небольшими животными.

Чуть только забрезжил свет, часа в три, меня разбудил повар.

— Бвана, кахага таяри! ¹

Я быстро встал. Носильщики перевязывали поклажу. Спустя полчаса караван был опять в пути, так как мы хотели воспользоваться утренней прохладой. Было еще темно, и лишь редкие птичьи голоса указывали на приближение утра. Но сумерки и рассвет под тропиками продолжаются очень недолго. Все оживилось в кустах и на деревьях. Пестрые птицы запорхали вокруг нас. „Ткачи“, занявшие целые кроны деревьев своими искусно устроенными висячими гнездами, начинали свой трудовой день. Вдруг раздается протяжный звук: „фаифа!“ Невольно останавливаешься, пока не убеждаешься, что это голос птицы. Потом слышишь воркованье какой-то породы голубей: „тю-у — тю-у — тю-у...“ повторяется все чаще и все более низким голосом. Вот голос кукушки переносит тебя в родной лес. Солнце поднимается все выше и выше. Сейчас разгар лета, и солнце льет на нас свой жестокий зной... Настал десятый час. Мы дошли до первого привала и располагаемся лагерем под тенистыми деревьями. Температура начинает подниматься. Даже птицы прекратили свой концерт. Каждый ищет тенистое местечко для отдыха. В три часа мы шагаем дальше. Когда мы добрались до ночлега, оказалось, что за день пройдено около 40 километров.

На следующий день мы дошли до негритянской деревушки, старшина которой по местному обычаю угостил нас свежими кокосовыми орехами. В Европе знают только зрелый кокосовый орех, который редко содержит кокосовое молоко. Когда случится после многочасового перехода по тропической жаре получить для подкрепления свежий кокосовый орех, тогда только начинаешь ценить по-настоящему этот плод. Внутренняя полость еще зеленого плода наполнена жидким соком, и этот-то сок является чудесным напитком, чуть-чуть терпкого, чуть-чуть приторно-сладкого вкуса. Свеже расколотый кокосовый орех содержит до

¹ Господин, кофе готово.

полулитра молочного сока. Последний совершенно свободен от микробов и представляет собою абсолютно безвредное для европейца питье. Если прибавить небольшую дозу виски или коньяку, получается чудеснейший напиток, очень хорошо действующий на желудок.

Старшина распорядился вынести под могучие тенистые мангровые деревья китанду¹, чтобы дать возможность присесть высоким гостям. Я собрался было воспользоваться любезным приглашением, но мой спутник схватил меня за рукав и удержал от этого удовольствия. Почему он это сделал, я узнал очень скоро. Он ударил несколько раз палкой по китанде, и из нее посыпались дождем клопы.

Отдохнув несколько часов, мы отправились поохотиться. Часто встречающиеся в этих местах черные антилопы проносились вдалеке от нас. Черная антилопа (*Hippotragus niger* Harris)—это крупное, крепко сложенное, темно-бурое до черноты животное. У самцов и у самок на голове торчат саблеобразно отогнутые назад рога, у самца несколько сильнее развитые, чем у самки. Животные эти живут стадами в открытой, редко поросшей деревьями степи, простирающейся от берега километров на 100 в глубь страны.

На следующий день после полудня я ушел вперед от каравана по следам черных антилоп и наткнулся при этом на стаю павианов (*Pario cynocephalus* L), из которых нескольких подстрелил. Собираясь вернуться назад к каравану, я заметил, что потерял направление. Начинало темнеть, и положение мое становилось неприятным. К счастью, несколько негров слышали мои выстрелы и в расчете, что я настрелял дичи, отправились меня разыскивать. Мы вернулись к каравану, успевшему стать лагерем в близлежащей деревне. Пока мы подкреплялись, явился гонец с письмом к моему спутнику. Он принес известие, что один из его служащих-европейцев сильно заболел и просит как можно скорее явиться на плантацию. Мы решили немедленно тронуться в путь и идти всю ночь. Многие из носильщиков

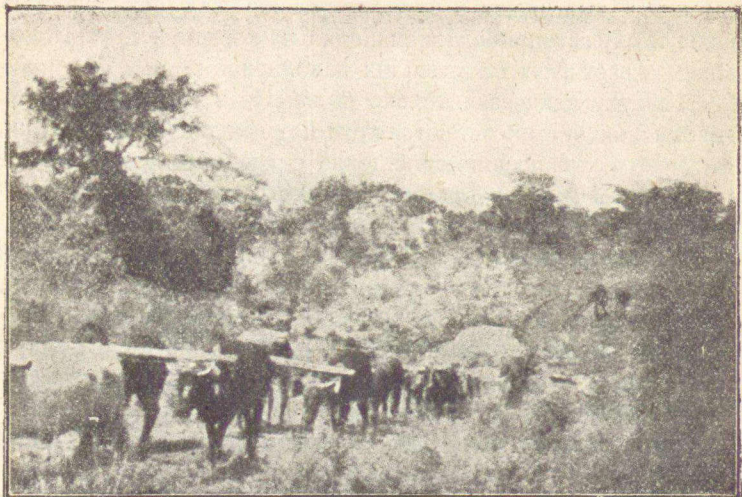
¹ Кровать.

были родом из местностей, окружавших плантацию, и рвались домой, а я тоже, несмотря на усталость, не имел ничего против того, чтобы выиграть время. Как всегда, я шел впереди каравана и вдруг в сумерках наткнулся на свежий львиный след. Я нагнулся, чтобы рассмотреть след поближе. В эту минуту в нескольких шагах от меня в кустах что-то зашуршало. От нас огромными прыжками уходил лев. Не успел я притти в себя от испуга, как зверь уже скрылся. Я дождался каравана и рассказал своему спутнику о случившемся. Такова была моя первая встреча с африканским львом. Наши негры тоже заметили львиные следы и дрожали от страха, так как иногда львы пропускают караван вперед, чтобы наброситься на оставшихся. Мы зажгли два больших фонаря с рефлекторами. Мой спутник пошел впереди каравана, а я замыкал его. Шествуя так, мы несколько раз слышали рычание львов. Перепуганные носильщики ускоряли шаг, и к двум часам ночи мы уже были на плантации моего спутника.

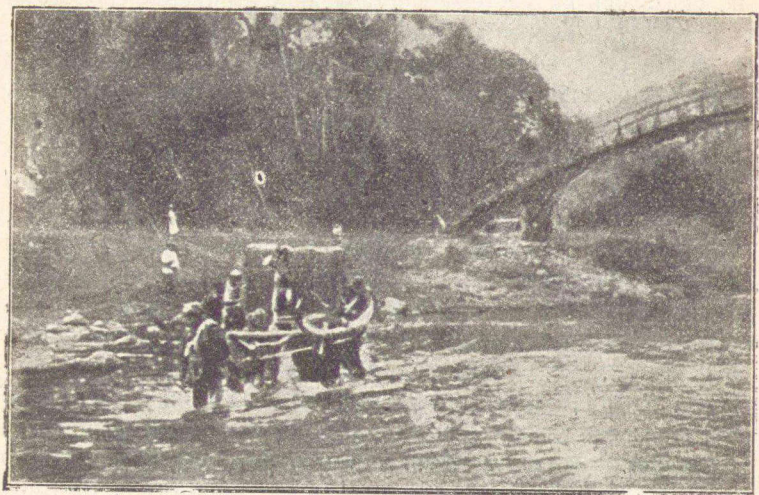
От понедельника до утра воскресенья мы сделали рекордный переход в двести километров. Утром плантатор показал мне свои поля, приглашая отдохнуть у него денек. Но я торопился к Петерсену, до места пребывания которого оставалось пройти всего несколько часов.

Я переправился на другой берег Руфиджи; ширина реки достигает здесь пятисот метров. Кладь и носильщики были переправлены в пироге, т. е. в лодке, выдолбленной из цельного древесного ствола.

Руфиджи впадает густо поросшей лесом дельтой в Индийский океан, против острова Мафия. Это самая большая река в германской восточной Африке. Ее притоки несут к ней воды чуть не с четверти поверхности всей колонии. Когда в дождливое время ее мощный приток Киломберу-Уланга, питающийся водами восточных отрогов Круглых гор, подверженных действию влажных юго-восточных ветров, сливает с нею свои волны, Руфиджи выступает из берегов. Подобно египетскому Нилу, она в течение месяцев наводняет большие пространства; лишь самые высокие холмы

Караван со зверями в пути.

Переправа вброд через реку.

термитов выступают в виде островков над поверхностью воды и служат прибежищем водяным козлам и другим животным, застигнутым врасплох наводнением.

В засуху река значительно ниже. Но в залитых во время наводнения местах остаются крупные и мелкие озера и лужи, частично сохраняющие сообщение с рекой и служащие рыбе прекрасным местом для метания икры, а дичи—излюбленным водоемом.

К сожалению, река судоходна лишь на протяжении 24 километров вверх от устья. Выше начинаются водопады Пангани и ряд порогов и быстрин, которые тянутся на протяжении сотни километров вверх. Река несет огромную массу земли и песку и часто образует блуждающие мели, так что во время засухи даже по нижнему течению плавают лишь небольшие колесные пароходы. Река густо заселена гиппопотами и крокодилами.

Петерсен разбил свой охотничий лагерь на берегу ручья. Дорога к нему вела мимо деревень и хлопковых плантаций. Мы прибыли туда после трехчасового перехода. Петерсена не оказалось на месте, но оставленное им письмо сообщало, что он через несколько дней вернется.

Утки, гуси, водяные курочки, побережники, цапли, целые стаи пеликанов водились в водах и на песчаных отмелях. Из крупных зверей—слоны, гиппопотамы, буйволы, черные антилопы, гну, коровьи и чернопяточные антилопы, бородавчатые свиньи, лесные и водяные козлы (*Cobus ellipsiprimnus* Ogilby).

Через два дня вернулся Петерсен, и мы стали готовиться к охоте. Петерсен устроил на берегу озера Луконго, недалеко от Утете, вторую охотничью хижину из веток, плетенок и глины, покрыв ее пальмовыми листьями. Мы велели деревенскому старшине (юмбо) предоставить в наше распоряжение двадцать негров. Когда мы подошли к озеру, нас поразила следующая картина: сотни негров, собравшись на берегу, занимались вылавливанием корзинами невероятного количества рыбы. Их жены и дети тут же коптили эту рыбу на медленном огне. Они выпускали потроха из рыбы в плос-

кие чашки, топили из них жир и наполняли им принесенные с собой калебассы ¹. Озеро Луконго представляет собой один из „мешков“ Руфиджи. В определенные периоды года в подобных водяных „мешках“ скопляется множество рыбы, и туземцы приходят издалека с женами и с детьми, чтоб заготовить себе запасы сушеной рыбы и рыбьего жира. Рыбоядные птицы тоже стараются воспользоваться этим, и мы днем и ночью слышали клекот множества орлов-кликунов, коршунов и т. п. К этому концерту примешивался по вечерам жуткий хохот гиэн и пощелкивание шакалов. Окрестности озера зачумлены запахом рыбы и гниющих отбросов.

Это скопление негров оказалось нам очень на-руку. Мы без труда наняли двести человек загонщиков и подсобных рабочих. Негры пошли с нами очень охотно, зная, что заготовят запас вяленого мяса, так как мы время от времени охотились за съедобной дичью.

Прежде всего мы устроили краали для зверей. Такой крааль устраивается следующим образом: на открытом месте делают невысокий кольцеобразный вал из вырытой тут же земли, на нем устанавливают крепкий забор из веток, лиан и вырытых с корнем терновых кустов. В разных местах вырыты волчьи ямы, замаскированные ветками и листвой. Чтоб изловить живыми антилоп, мы заняли у туземцев их огромные сети из кокосового волокна. Эти сети, вышиной в два метра, мы утром, задолго до восхода солнца, растянули широким полукругом. Рассыпавшись по лесу, загонщики начали громким хлопаньем в ладоши гнать животных в сети. Через некоторое время несколько водяных козлов налетели на стену из сетей и запутались в ней рогами и ногами. Мы подбегали, связывали козла и уносили на носилках в ближайший крааль. До обеда у нас в неволе оказалось одиннадцать водяных козлов. После короткого отдыха мы изловили еще четырех козлов, среди которых оказался матерый самец, заднее бедро которого гноилось от засевшей пули. Мы отдали его на съедение неграм. Невероятное богатство рыбой привлекло

---

¹ Бутылки из тыквы.

к озеру множество крокодилов. Когда мы однажды в обеденное время плыли в пироге через озеро, я насчитал во время короткой переправы не менее двадцати семи крокодилов. Они так обожрались и разомлели, что почти не обращали на нас внимания, и лишь ближайшие из них ныряли при приближении пироги. Не всегда, однако, эти панцирные ящеры так безобидны. Петерсен рассказывал мне, что совсем недавно одному европейцу пришлось пережить очень неприятное приключение на Руфиджи. Он плыл довольно быстро в узком челноке вниз по течению. На носу челнока сидел негр и греб коротким веслом. Посредине сидел европеец, а сзади второй негр. Вдруг сбоку вынырнул крокодил, намереваясь, видимо, схватить сидевшего на носу чернокожего. Животное, повидимому, не учло скорости челнока, оно стукнулось мордой в борт и было отброшено в сторону. Люди в челноке отделались страхом.

Прежде всего нам пришлось разместить пойманных козлов по одиночке. Животные, попав в неволю, бывают так возбуждены, что если их оставить по нескольку вместе, нападают друг на друга. Затем надо было задать им корм и питье, накосить травы, выдолбить из дерева примитивные корыта, подправить ограды краалей и поставить сторожей, — словом, работы было по горло. Кроме того, каждый день приходилось осматривать западни и волчьи ямы.

Случайно туда попали две штуки гнү. Гнү (*Connochætes*) представляет собой один из видов семейства антилоп. Это сильное животное равно по величине молодому бычку. И у самца и у самки — рога, напоминающие по виду рога буйвола. Хвост обрастает длинными волосами; грива, как у лошадей. Мне были известны из этого вида в германских владениях в восточной Африке две разновидности, а именно: гнү полосатый (*Connochætes taurinus* Burch) и гнү белобородый (*C. albojubatus* Thos). Первый встречается большими стадами на юге колонии, второй бродит по массаиским степям вплоть до реки Эзи в британской восточной Африке, представляющей северную границу области их распространения. Волосняной покров обеих разновидностей носит

обычно сизовато-серый оттенок; у моих же пленников, двух взрослых самцов, основной цвет шерсти переходит в бурый. Характерна была также белая полоска шириной в палец, проходившая поперек морды над переносицей и особенно резко выделяющаяся на фоне совершенно черного лба. Я был уверен, что имею дело с новой, до сих пор наукой не открытой в германской восточной Африке, разновидностью. Это предположение оправдалось, когда животные были исследованы впоследствии в Штеллигенском зоопарке специалистами; они были квалифицированы, как разновидность Руфиджи-Джонстон-гну (*Connoch aetes jonstoni rufigianus*), которая до сих пор известна была лишь в британской колонии Ньяса-Лэнд. Руфиджи Джонстон-гну отличается от своих южных сородичей многими характерными признаками.

Вскоре в волчьи ямы попали два гиппопотама (*Hippopotamus amphibius* L), именуемые туземцами „кибоко“. Волчьи ямы для этих животных нужно устраивать на тропках, по которым они ходят на водопой. При малейшем изменении тропы зверь пятится обратно и прокладывает себе новую тропу.

Когда эти новые гиппопотамы попали в волчьи ямы, всплыл вопрос, как их извлечь и каким способом перевести в заранее заготовленный на берегу крааль. Мы устроили этот крааль для гиппопотамов у самого озера, захватив посредством палисадов и участок воды.

За столиком ресторана в Европе я часто задавал инженерам задачу: „Как вы добудете гиппопотама, весом около 800 килограммов, из ямы, глубиной в 2½ метра, без подъемных сооружений и без веревок, при том так, чтобы людям не пришлось прикасаться к животному?“. От большинства я получал ответ, что это вообще невозможно. Однако это так же просто, как колумбово яйцо. Нужны только люди, топор и нож для резки лиан и кустов, все остальное дает степь и лес. Прежде всего, сваливают неподалеку от места, где пойман зверь, несколько деревьев и из сучьев их приготавливают колья, длиной метра в два с половиной. Прямые и длинные колья идут на устройство ящика-клетки, а кривые вместе с кустарником—на устройство крепкого забора вокруг ямы,

в котором против головы животного оставляется свободный узкий проход. Когда клетка готова, отдельные части ее крепко связываются лыком, и она ставится отверстием против упомянутого выше прохода и прикрепляется к палисаду при помощи нескольких кольев и лыковых канатов. После этого неграм отдается распоряжение бросать в яму землю. Зверь под ударами кольев начинает ворочаться и невольно утаптывает при этом накиданную на дно ямы рыхлую землю. Яма постепенно заполняется землей, гиппопотам поднимается все выше и выше, замечает дыру и бросается прямо в заготовленный для него ящик. В тот же момент опускается щит у задней стенки ящика. Таким именно образом взяли мы в плен и упомянутых выше толстокожих. Однако до краала, приготовленного для гиппопотамов, было целых четыре километра. У нас не было ни телеги, ни подъемных приспособлений, ни других транспортных средств, и не оставалось ничего другого, как доставить ношу с помощью длинных подложенных под ящики бревен и мускульной силы наших двухсот негров. Пришлось потратить несколько часов и изрядно попотеть, пока наша добыча оказалась на месте. Очутившись в краале, животные скоро привыкли к нему, и, повидимому, благодаря обильному корму — траве, просу и т. п. — были вполне довольны своим положением.

Часто утверждают, будто гиппопотамы ищут себе пищу лишь поблизости от воды. Мне приходилось встречать гиппопотамов на расстоянии многих километров от воды. Правда, от этих мест вели глубоко протоптанные, многократно исхоженные тропы к водопою.

Результаты лова за несколько недель были следующие: два гиппопотамы, пятнадцать водяных козлов, две джонстоновских гну, одна коровья антилопа-самец, двадцать чернопяточных антилоп, а павианов больше, чем нам нужно было. Всех этих животных мы, конечно, поймали не в одном месте.

Близ первой охотничьей хижины Петерсена был тоже устроен крааль.

Оставалось еще добыть доски, инструменты и гвозди, чтоб соорудить ящики для перевозки зверей в Европу.

Петерсену нужно было отправиться в Мохоро, и я вызвался поехать с ним в надежде найти там необходимые материалы.

По Руфиджи крейсирует два раза в месяц небольшой казенный пароход „Тормандо“, как раз на участке от Салале, на берегу моря, до окрестностей большого водопада Пангани. Мы постарались воспользоваться пароходом, чтобы облегчить себе хотя часть пути, до Килинди. Руфиджи густо населена гиппопотами, и на высоких ее берегах ясно видны их тропы, спускающиеся глубокими бороздами к реке. Глубина этих борозд обуславливается тем, что тяжеловесные толстокожие пользуются ими ежедневно, спускаясь к реке на водопой. Если незаметно перед закатом солнца подкрасться к группе гиппопотамов, когда они только что вышли из воды, то можно увидеть интересное зрелище. Гиппопотамы очень недоверчивы, они все время оглядываются по сторонам и нюхают воздух перед тем, как выйти из воды. Стоит им слышать выстрел, и они быстро поворачивают назад и спешат скрыться в воде. Смешно смотреть, как эти колоссы, успев уже добежать до своих троп, бегом, скользя по наклонной поверхности, возвращаются к воде и с плеском бросаются в волны, ныряя и долго не показываясь на поверхность. Их ноздри плотно при этом закрываются наподобие вентиляционного клапана. Всплывая снова на поверхность, они с силой выталкивают долго сдерживаемый воздух, так что вода высоким фонтаном брызжет из ноздрей. В продолжение всего дня гиппопотамы обычно лежат неподвижно в воде, наружу торчат только темя, уши и отверстия ноздрей. Они не двигаются, только помахивают короткими ушами. Иногда, особенно в описанных выше озерах, можно встретить целые стада гиппопотамов, предающихся веселой игре. При этом они часто наносят друг другу тяжелые ранения своими страшными клыками. Это видно иногда на убитых или взятых в неволю экземплярах. Из огромных клыков гиппопотамов индусы изготовляют разные красивые изделия. Клыки их похожи на слоновую кость, но покрыты сверху очень твердым и плотным, гладким и блестящим слоем. Для хорошего

стрелка совсем не фокус из хорошо скрытой засады на берегу болотца или озера подстрелить сколько угодно этих животных, но ни один уважающий себя охотник не соблазнится подобным развлечением, за исключением разве хищников-браконьеров.

Я часто проплывал участок Пангания — Утете в туземном челноке-пироге. Совсем близко от меня появлялись гиппопотамы. Когда я подплывал поближе, они скрывались обратно в воду. Негры не проявляли при этом особого страха. Мне же было жутковато проплывать в шатком челноке над самой спиной толстокожего колосса.

Иногда гиппопотамы проявляют злость и первыми нападают на людей. Мне пришлось несколько раз убедиться в этом по собственному опыту. В Кильке, в загородке с водоемом, у меня было одно время шесть гиппопотамов. Я пробовал хитростью заманить толстокожих в клетки в которых они должны были отправиться в Европу. Четверо из них подались на эту удочку. Двое же, особенно один из них, рослый и сильный самец, все время упорствовали. Восемь ночей провел я у клеток, страдая от множества moskitов. Гиппопотам просовывался в клетку лишь настолько, чтобы можно было достать поставленный там корм, вытаскивал его и съедал на воле. Мешкать не приходилось, так как пароход, который должен был увезти звериный транспорт, уходил в ближайшие дни. В это время ко мне зашел возвратившийся с Руфиджи Петерсен. Он заявил, что проще всего ему войти в крааль и выгнать животное из воды. Сказано — сделано. Я придерживал спускной щит, а приятель мой вошел в крааль. Не успел он дойти до середины, как гиппопотам бросился на него из воды с широко открытой пастью. Петерсен пустился на утек и подбежал к моей клетке. Я спустил за ним щит и таким образом удалось спасти приятеля от опасности. Животное было так раздражено, что я уже стал подумывать о том, не оставить ли его до следующего транспорта. Ночью один из моих помощников сменил меня на несколько минут, и за это время изловил капризного пленника.

Петерсен рассказывал мне случай, когда разъяренный гипопотам чуть не перекусил пополам одного негра.

В Килинди мы сошли с парохода. До Мохоро нам оставалось шагать пешком еще три часа.

В Мохоро мне удалось признаться у одного европейца двухколесную повозку. Человек этот рассказал мне, что по всей округе свирепствуют львы и у него самого недавно львы унесли из крааля двух коз. К сожалению, я не нашел в Мохоро материалов, необходимых для постройки клеток. Их пришлось заказать по телеграфу в Дарессаламе, с указанием, чтобы все заказанное было прислано мне в Салале, откуда обратный речной пароход мог довести все заказанное до Утете.

Мы с Петерсеном не могли терять 14 дней, оставшихся до возвращения парохода, и вернулись поэтому, прошагав три дня, в Утете. Упряжных животных для моей повозки негде было достать; носильщикам пришлось заменить их, но они плохо справлялись с непривычной работой. Как я уже сказал, в округе свирепствовали львы. По дороге нам попались две негритянские деревни, совершенно покинутые жителями. Вместо того, чтобы защитить как-нибудь свою деревню, туземцы предпочли перекочевать в другую местность. На третий день нам пришлось проходить через местность, где росло множество мангровых деревьев. Плоды и ветки этого дерева составляют любимый корм для слонов, о присутствии которых свидетельствовали сломанные ветки и изуродованные деревья. Слоны способствуют распространению мангрового дерева, так как всхожесть проглоченных с плодами семян несколько не страдает от прохождения через желудок и кишки животного. Вместе с испражнениями семена попадают на землю, втаптываются нередко самими животными в почву и в дождливое время года начинают прорастать, так что вся местность покрывается мангровыми деревьями.

Поздно вечером очутились мы в Утете. Во время нашего отсутствия несколько животных издохло, вследствие небрежности сторожей.

Наведя порядок, мы поспешили в наш временный зверинец в Яроило, часах в пяти-шести от Утете. Путь туда

лежал мимо болотистых озерков. В одном большом озерке мне удалось насчитать около 60 гиппопотамов. В течение всего времени нашего привала я наблюдал их игры, спрятавшись в кустах.

В лагере в Яроило нам тоже пришлось восстанавливать несколько расшатавшуюся дисциплину, и лишь затем могли мы отдохнуть от мытарств последних дней. Изголодавшиеся негры просили снабдить их дичью, и мы намеревались на следующее утро, совпадавшее с первым днем Рождества, подстрелить для них что-нибудь к празднику на жаркое. Несмотря на множество мышей, бегающих всю ночь по циновкам и сеткам, которыми мы защищались от москитов, мы спали не просыпаясь до утра. Праздничное утро глянуло на нас кисло; шел дождь, и у нас не было никакого желания отправляться на охоту. Но когда дождь прошел, Петерсен заявил, что мясо необходимо раздобыть, и что поблизости от хижины имеется много дичи. Он был настолько в этом уверен, что посоветовал мне даже не брать с собой двустволки; свою он взял с собой, а я захватил лишь игрушечное монтекристо. Вопреки ожиданиям, мы после часа ходьбы не встретили ни одного козла, ни какой-либо другой дичи.

Выйдя на поляну, посреди которой блестело озеро, мы решили обойти его, один справа, другой слева. Опять ничего — даже птиц не было. Петерсен предложил вернуться назад, сделав большой крюк, рассчитывая, что у другого озера попадется хоть один водяной козел или чернопяточная антилопа. Не сделали мы и тридцати шагов в намеченном направлении, как один из сопровождавших нас негров тихо окликнул нас и беззвучно указал на темную точку под деревом. Был туман. По очертаниям животного Петерсен решил, что перед нами экземпляр джонстоновской гну или что-нибудь подобное, прицелился и выстрелил. Зверь упал, обливаясь кровью, но затем вскочил и побежал. Мы бросились по его следам. Перед нами был огромный буйвол. Петерсен был в восторге, он уверял, что это может быть только матерый буйвол-одиночка, кото-

рый, кроме прекрасного жаркого, доставит нам еще чудесный охотничий трофей в виде черепа с рогами. Мы пошли по следам буйвола, причем я был уверен, что нам не грозит ни тени опасности, так как товарищ мой был опытный охотник и меткий стрелок. Наконец мы увидели буйвола в 150 метрах от нас. В тот самый момент, когда Петерсен прицелился, чтоб выстрелить вторично, буйвол скрылся в кустах.

Я бежал метров на сто впереди. Вдруг буйвол, очутившись за кустом, переменял направление и с бешеной яростью бросился на меня. Прежде чем я успел сделать хотя малейшее движение, он повалил меня на землю с такой силой, что на мгновение я лишился чувств. К счастью раненый зверь плохо рассчитал свой скачок и только задел меня рогами. Придя в чувство, я увидел, что лежу под буйволом, между его передними и задними ногами, — положение, надо признаться, очень незавидное. Я сделал попытку спастись в заросли. Но мой противник быстро повернулся и прижал меня задом к группе деревьев. Мне удалось ухватиться руками за одно из них. Затем я быстро вскарабкался на него. Деревцо было толщиной с человеческую руку, ветви его гнулись под моей тяжестью, не скрывая меня. Я висел точно на турнике, не имея точки опоры. Петерсен был шагах в 40 — 50 от меня. Увидев буйвола, я крикнул ему: „Он здесь, стреляйте!“ Выстрелил ли он, когда я лежал без сознания, или нет, не могу сказать. Позднее я нашел в его ружье пустой патрон, из чего можно заключить, что он стрелял только один раз. То ли Петерсен в волнении допустил эту непростительную для опытного охотника ошибку, то ли у него нехватило времени, — это тоже осталось невыясненным. Когда я карабкался на дерево, буйвол, повернувшись, увидел Петерсена и с дикой яростью бросился на него. Сцена, беспомощным свидетелем которой мне пришлось быть, была необычайно жуткой. Буйвол бросил Петерсена на землю, топча его ногами. В несколько секунд от костюма остались одни клочья. Я не слышал ни стопа ни крика, — ничего, кроме громкого пыхтения буйвола.

В конце концов буйволу, видимо, показалось, что его противник мертв, он бросил его и ушел метров на двадцать в сторону. Это, действительно, был матерый буйвол-одиночка с бесподобной головой и колоссальными рогами. „Ну, — подумал я про себя, — теперь, братец, пришел твой черед“. Но буйвол не видел меня. Удивительный психологический факт, на который я обратил внимание лишь впоследствии; несмотря на то, что я стоял перед неминуемой смертью, я не чувствовал страха, а лишь беспредельную ярость от сознания, что я безоружен и не могу отомстить за своего друга. Наши черные оруженосцы, конечно, бесследно исчезли. Единственное, что мне оставалось сделать, — это сидеть совсем тихо, чтоб не привлекать к себе внимания взбешенного животного. Если б буйвол заметил меня и толкнул дерево, на котором я висел, я упал бы на землю. Буйвол, тяжело дыша, стоял против меня, а у меня от долгого висения на суке немели члены. Тем не менее я обдумал, что мне делать. Метрах в десяти от меня находился высокий, поросший травой термитник, а позади него росло высокое дерево. „Если бы удалось добраться до холма, я был бы спасен“, подумал я. Солнце немилосердно жгло мою обнаженную голову, пораненные буйволом места на теле распухли, причиняя мучительную боль. Вдруг я увидел, что Петерсен, лежавший совершенно голым, приподнимается и ползет к ближайшему дереву. У корней дерева он снова присел на землю и слабым голосом простонал:

— Шульц, застрели его!

Бедняга не знал, что я тоже безоружен. Я хотел крикнуть, чтоб он сидел как можно тише, но в этот момент буйвол заметил его и бросился с новой яростью. Он отбросил его прочь от дерева и посадил на рога, подбросил вверх и снова поймал рогами почти у самого дерева, на котором я сидел. Можно было сойти с ума при виде того, что происходило. Я утешался только мыслью, что бедняга уже не чувствует боли. Буйвол подбросил еще раз мертвое тело. Я воспользовался этим моментом, быстро соскользнул с дерева и побежал, прячась за кустами, к термитнику, но

по дороге споткнулся о растянувшегося в высокой траве негра. Первые мои слова были:

— Скорей ружье!

Но негр не хотел встать — он дрожал от страха и снимал с меня термитов, которых я раньше не замечал. Я взобрался на термитник и осмотрелся. Буйвола уже не было видно. Я пополз на четвереньках к месту несчастья, чтоб подобрать валявшиеся на земле ружья. После недолгих поисков я нашел и мое монтекристо и двустволку Петерсена, лежавшие рядом с дротиком негра. Я схватил двустволку и взвел курок, при чем, как я уже сказал, оттуда выпал пустой патрон. В магазине оставалось еще два патрона, из чего я заключил, что Петерсен в критический момент либо не успел выстрелить, либо не выстрелил из боязни попасть в меня. Буйвол, очевидно, излил свою ярость и отправился умирать от ран, так как я совершенно ясно видел, что он тяжело ранен в бедро. Я приказал оторопевшему от страха негру позвать второго оруженосца, что он исполнил, подражая звуку какой-то птицы. Одного из негров я отправил в лагерь принести мое ружье и привести людей с китандой, вместо носилок, для трупа Петерсена.

Когда слуга Петерсена, отогнув один из кустов, увидел труп своего хозяина, лицо его исказилось от ужаса. Мы положили останки товарища на носилки и покрыли их ветками. В лагере я немедленно написал сообщение германским властям и отправил его с гонцом в Мохоро. Негры уже уведомили барабанным боем все окрестные деревни в округе о случившемся несчастье, и туземцы стекались толпами в своих белых „канцу“ на похороны. Из-за тропической жары нам пришлось поспешить с похоронами, так как спустя несколько часов труп начал разлагаться. Я обмыл тело и завернул его в простыни. Недалеко от нашей охотничьей хижины вырыли мы глубокую могилу. Так как гроба у нас не было, то мы покрыли тело циновками и набросали на них землю, а негры, по своему обычаю, плясали и пели непонятные для меня мотивы. Я велел огородить могилу кустами терновника для защиты от гиен и шакалов.

Я чувствовал себя совершенно разбитым и впал в состояние полного физического и душевного изнеможения.

Я оставался один, без всякой помощи, в глухих дебрях Африки, зная лишь несколько слов на языке туземцев, отдаленный на многие десятки километров от ближайшего европейца. Однако нужно было довести до конца начатый лов зверей. И я снова принялся за работу. Пойманные звери ждали отправки в Европу. Пароход, который должен был отвести их в Салале, должен был уйти 17 января, и мне надо было одному, без помощи Петерсена, соорудить клетки и переправить зверей из их временных зверинцев к реке. Если я пропущу срок, мой транспорт не попадет на пароход, отправляющийся в Европу, и его вообще нельзя будет отправить в течение всего дождливого периода. Все мои труды пойдут прахом, так как места, где находятся наши краали, в дождливое время заливаются выходящая из берегов Руфиджи.

Я осмотрел все краали, дал наставления неграм, как обходиться с животными, а сам отправился ко второму зверинцу, близ Утете, чтоб перевезти доставленные тем временем материалы для ящиков и клеток с берега к местам стоянки зверей. Я нашел молодого негра, немного знакомого со столярным делом, заставил носильщиков перенести материалы на головах в лагерь, и мы заработали с утра до позднего вечера пилой и молотком. Оказалось, что у меня не хватает досок. Я нашел исход, распорядившись сплести для более мелких животных корзины из лиан и расходуя доски только на пол. Эти корзины до отправки зверей служили убежищем сторожам, поддерживавшим огонь. В них они чувствовали себя в безопасности даже от львов.

Не успели мы закончить работы, как сторожа из крааля, в котором содержались гиппопотамы близ Утете, сообщили, что река заметно поднялась, и что они боятся, как бы гиппопотамы не уплыли из загородок. Я немедленно отправился туда. Ночь захватила меня в дороге, и не только неграм, но и мне самому при моих взвинченных нервах было жутко в незнакомой местности, населенной дикими зверями. В тем-

ную ночь добрались мы до противоположного лагерю берега небольшого озера, откуда можно было доплыть до крааля гиппопотамов в пироге. Громко прокатился над гладью озера условный выстрел, вызывавший перевоз. В ту же минуту два крупных гиппопотама, пасшихся на берегу совсем близко от нас, бросились в озеро, широко разбрызгивая воду и нагнав на нас изрядный страх. Пришлось долго ждать, пока приплыла пирога. Когда перевозчик услышал о двух гиппопотаммах, скрывшихся в озере, он отказался ехать назад. По моему настоянию, однако, переправа совершилась и при том без всяких приключений. Сторожа очевидно преувеличили опасность.

Первый европеец, которого я увидел, возвратившись в первый лагерь, был колониальный чиновник. Он находился по делам службы на одной из плантаций и, прослышав о смерти Петерсена, явился, чтобы узнать обстоятельства происшествия, чем снял бодьшее бремя с моей души. Этот же чиновник взял на себя урегулирование вопроса о наследстве и распорядился об отправке вещей покойного. Несколько дней спустя явился еще другой высший колониальный сановник, тоже прослышавший во время охотничьей экскурсии о нашем несчастном случае. Я рассказал ему о своем положении. Он был настолько внимателен ко мне, что оставил со мной двух полицейских-аскари. Это были славные надежные люди. Они препотешно брили себе головы осколками стекла. Мой гость подстрелил колоссального гну и отправился дальше, строго наказав обоим аскари исполнять мои распоряжения. При их содействии все пошло как по маслу. Я разместил своих зверей по ящикам и оставил их на попечении чернокожих сторожей. Сам же поспешил ко второму лагерю, близ Утете, и приготовил там все к отправке. Теперь всплыл вопрос, как мне доставить ящики к месту причала парохода, до которого от лагеря был целый час пути. Более мелкие ящики мои негры перенесли на перекинутых через плечи шестах. Доставка же тяжелых клеток с гиппопотами стоила огромных трудов, так как путь лежал через холмистую местность. Я нашел более удобный маршрут. Между озером Руфиджи вился небольшой

проток, весь заросший тростником и высоким папирусом. В сухое время здесь нельзя было пройти ни в каком судне. Но в данный момент, когда вода поднялась, пироги туземцев могли пройти по протоку, если срезать тростник. Я поплыл на пироге от краая гиппопотамов через озеро прямо в этот проток и заставил негров ножами срезать тростник. Когда после двух дней работы мы благополучно добрались до реки, я велел молодым неграм, сидевшим на веслах, направить лодку на стрежень реки. Течение оказалось настолько сильным, что гребцы не управлялись с лодкой, и мы попали в самую гущу целого стада играющих гиппопотамов. Если бы мы наскочили на одно из животных, нам бы, я думаю, пришлось плохо. В конце концов, при общих усилиях нам удалось выбраться из быстрины и доплыть до песчаной косы, к которой должен был пристать пароход. Таким образом моя идея доставить гиппопотамов водным путем к месту погрузки на пароход оказалась выполнимой. Мы немедленно принялись за дело. Прежде всего пришлось скосить ножами тростниковые заросли на всем протяжении протока. Затем мы связали три пироги, и, таким образом, клетки с гиппопотами были доставлены к песчаной отмели. К ближайшей субботе все клетки со зверями были, наконец, выгружены на косу и оставлены под присмотром негров-аскари.

Ночью сторожа улеглись спать на крышах клеток с гиппопотами. Утром я пришел проверить сторожей, и к величайшему своему удивлению увидел на песчаной косе множество свежих следов гиппопотамов. Мне пришло в голову, что плененные гиппопотамы ушли из клеток. Я кинулся к ним, но оба толстокожие пленника оказались на месте. Негры рассказали мне, что ночью несколько гиппопотамов, заслышав вероятно громкое похрюкивание заключенных своих сородичей, вышли на косу; обнюхав ящики, они ушли, похрюкивая, назад. Подобные посещения повторились и в следующую ночь.

Возвращаясь в свою опустелую охотничью хижину, я по дороге подстрелил благородную цаплю (*Herodias Halba L.*), красивые перья которой, привлекающие охотников, были необычайной длины — в 48 сантиметров.

Я обратил внимание на то, что с подъемом воды вся рыба из озера исчезла, а вместе с нею покинули берега и негры-рыболовы со своими семьями. Вода в озере имела какой-то особый рыбный привкус, так что ее совсем нельзя было пить. Я велел приносить воду для питья из находившегося неподалеку горячего источника.

Я готовился вернуться к верхнему лагерю, чтобы взять оттуда ящики к месту второй остановки парохода, когда мой слуга сказал мне о приходе какого-то европейца. За завтраком он рассказал мне, что охотится за слонами и наткнулся на мою охотничью хижину, преследуя большого, сильного самца. Я убедился по свежим следам, проходившим в нескольких местах от моей хижины, что слон, действительно, останавливался ночью в нескольких шагах от моего жилья. Охотник был до того утомлен, что отказался от преследования слона и собрался вернуться в свою палатку, разбитую в ближней деревне. Последняя лежала на моем пути. Мы осмотрели с ним вместе весь мой звериный транспорт и переправились через озеро.

Я несколько раз говорил старшинам деревень, лежавших около старой стоянки Петерсена, что мне очень хочется получить несколько живых экземпляров часто встречающихся там обезьян-павианов (*Papio cynocephalus* L.). Неграм представлялась таким образом возможность не только наказать дерзких грабителей их просяных и маниоковых полей, но еще получить чистоганом вознаграждение. И вот, когда я снова явился в свой верхний зверинец, мне пришлось, несмотря на свое печальное настроение, от души хохотать при виде представившегося моим глазам зрелища. Повсюду, куда ни глянь, стояли корзины с орущими, точно сумасшедшие, павианами. Негры наловили их в силки и принесли в сколоченных из жердей корзинах по одному или по несколько в каждой. В момент моего прибытия явился как-раз новый караван с этими безобразниками. Негры несли их в клетках на перекинутых через плечи шестах. Так как эти клетки были недостаточно крепки, мне пришлось переселить обезьян в новое помещение. При этом

их удрало не менее дюжины. Однако беглецы остались вблизи лагеря, так как здесь было вдоволь аппетитного корма. Они все время переговаривались со своими пленеными товарищами, так что шум и гвалт становились совершенно несносными. К моему ужасу, прибывали все новые и новые партии, и вскоре у меня павианов набралось больше сотни. Штук восемьдесят из них впоследствии населяли обезьянью скалу в Штеллингенском зоопарке. Весь зверинец был отправлен рано утром на берег Руфиджи. Несмотря на большое количество носильщиков, только в три часа ночи последняя клетка очутилась на месте. Дорогой к реке нам служила тропа, проложенная гиппопотами к водопою. На этот раз животные передвигались по ней в одолженной мною двуколке.

На берегу реки я велел раскинуть палатку под мангровым деревом, а негры пошли добывать корм для животных — маис, тыквы, сладкий картофель, просо, мангровые плоды и бананы. Все это было мне сразу отпущено за наличные деньги в соседних деревнях.

В этом месте берег Руфиджи довольно крут, и я приказал устроить наклонный спуск. Во время этой работы я заметил свешивавшуюся с веток мангрового дерева, сверкающую чудным зеленым оттенком змею. Она сползла с ветки на землю. Быстрым движением руки мне удалось схватить ее за шейку и ткнуть в пустую жестянку. Впоследствии, в Гамбурге, я узнал, что это была одна из ядовитейших пород.

Скоро пароход с двумя плоскодонными лихтерами причалил к месту погрузки. Благодаря наклонному спуску мы грузились довольно быстро. Ночью мы работали при ярком свете. Утром мы взяли в Утете гиппопотамов и прочих животных. При проверке оказалось, что не хватает одного водяного козла. По словам негров, он издох за время моего отсутствия. Я был глубоко убежден, что молодчики-негры упрятали козла во время моего отсутствия в свои животы. Оставленный для надзора за ними аскари успокоил, вероятно, угрызения своей совести участием в общей пирушке.

Рано утром пароход двинулся в путь вместе с обоими, превращенными в зверинцы, лихтерами. Мы везли двух носорогов, пятнадцать водяных козлов, двух джонстоновских гну, несколько чернопяточных антилоп, несколько карликовых, множество птиц, около сотни павианов и несколько ящиков с охотничьими трофеями. Медленно плыл пароход по излучинам реки, тщательно объезжая многочисленные мели. На последних водились крокодилы, некоторые из них были колоссальной величины. При приближении парохода они медленно ныряли в воду. Проезжали мы также мимо групп мирно играющих гиппопотамов. Те, что были поближе, ныряли в воду и выплывали через короткое время позади. Интересны их матки с детенышами на спине: когда такой „малыш“ устает плавать, он взбирается на спину матки.

В Килинди пароход ожидал почты и принимал дрова для топки. Было всего три часа дня, и я отправился на велосипеде в Мохоро, отстоявшее в трех часах пути пешком. Оттуда я протелеграфировал своей фирме, что транспорт зверей находится уже в пути. При плохой дороге и палящем зное мне потребовалось целых полтора часа, чтоб доехать до города. Белое население его состоит из пяти человек. Кроме них, там имелся еще один индус, у которого в дуке¹, кроме европейских консервов, имелось настоящее немецкое пиво в бутылках. Под развесистым мангровым деревом перед ларьком уютно расположились мы за кружкой пива. Разговор вращался главным образом вокруг львов. Всего за несколько дней до моего прибытия, когда мои собеседники спокойно попивали вечернюю кружку пива под деревом, лев пробежал мимо них к деревне. Он был пойман в ту же ночь в западню, устроенную деревенским старшиной, и застрелен сбежавшимися на тревогу европейцами при свете факелов. В виду предостережений моих собеседников, я не поехал до восхода луны назад к пароходу. Дорога, по которой я ехал обратно в Килинди, заросла по обеим сторонам высокой, в человеческий рост, травой и кустарником.

¹ Ларек.

Луна была на ущербе, а сверх того ее заслоняли часто тучи. Было часа четыре утра,—я проехал уже полпути,—как вдруг услышал сбоку в траве шорох, который становился все ближе и ближе. Я подумал, что это шуршит дикий кабан. Чтоб испугать его, я резко позвонил звонком у руля, замедлив одновременно ход. Вдруг всего в нескольких шагах от меня появился огромный леопард. Я громко крикнул на него. Он, кажется, был так же испуган, как и я. Одно мгновение хищник постоял передо мной, затем скрылся бешеными скачками. У меня от неожиданности волосы стали дыбом на голове. Я ведь был без всякого оружия. Если бы я не придержал велосипеда, мы бы наверно столкнулись лицом к лицу, и дело окончилось бы для меня плохо.

Вернувшись на пароход, я рассказал капитану о приключении. Он высмеял преувеличенную боязнь перед этими кошками, утверждая, что в здешних, богатых дичью, местах звери вообще не опасны для человека, особенно для европейца. Он проделывал путь в Мохоро десятки раз пешком и с ним ни разу ничего не случилось. Месяц спустя на капитана на том же пути напал лев и растерзал его.

Утром мы поехали дальше. Река становилась все шире, по обеим сторонам ее стали показываться мангровые леса, и влажный тропический зной становился нестерпимым. К вечеру мы достигли Салале и стали на якорь посреди реки, ожидая прибытия океанского парохода.

Река Руфиджи в этом месте шириною больше километра. Вода ее не годна для питья. Мне пришлось добывать воду из ближайшего колодца на берегу.

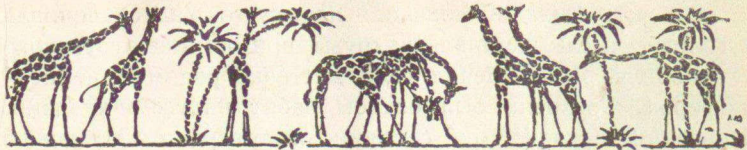
В Салале жил лесничий Данкерт с семьей. Он слышал о случившейся со мной и Петерсеном катастрофе, но не знал, кто из нас погиб.

Когда прибыл океанский пароход, наш пароход подъехал к его борту. Ящики со зверями были перенесены, и затем мы отправились к острову Мафия. Я слышал, что там продается молодой гиппопотам, и поехал в таможенной лодке посмотреть животное. К сожалению, хозяин его был в отъезде. Животное мне очень понравилось, и я отпра-

вил гонца к хозяину. Вернувшись на пароход, я попросил старшего офицера разрешить мне заказать судовому столяру-индусу ящик для нового гиппопотама. Я объяснил индусу конструкцию ящика, нарисовав мелом на доске, и подогрел его усердие приличными чаевыми. Через несколько часов ящик был готов. Но произошла катастрофа. Сообразительный индус не учел, что в его мастерской имеется всего одна узкая дверь, и что отдельные части клетки надо составить где-нибудь снаружи. Таким образом у меня был налицо прекрасный ящик с одним только недостатком — его нельзя было вынести из мастерской. Смуглолицый мастер со смущенной улыбкой стоял рядом со своим творением. Не оставалось ничего другого, как распилить ящик на две части и сколотить их затем на берегу. Но тут сторож гиппопотама стал чинить нам препятствия. Он ни за что не хотел согласиться, чтоб мы заперли его питомца в клетку. Лишь после уверений, что ответ хозяина должен прибыть с часу на час, и при протекции нескольких рупий мне удалось уговорить негра согласиться. Однако молодой гиппопотам оказался строптивее честного слуги. Нам никак не удавалось заманить его в клетку. Уже наступила ночь, и нам нельзя было мешкать. В конце концов, у меня лопнуло терпение, и я перескочил через ограду краала, чтоб силой добиться своего. В темноте я шлепнулся прямо в илистый водоем. Гиппопотам испугался, побежал к выходу и юркнул благополучно в клетку. Я с удовольствием бы отправил его на пароход, но должен был ждать ответа. Не оставалось ничего другого, как сидеть в мокром грязном костюме и ждать, подвергаясь укусам целой тучи moskitов. Лишь в два часа ночи прибыл гонец с утвердительным ответом, и я получил возможность отвезти ящик на таможду, чтобы исполнить необходимые формальности. Тем временем поднялся один из ужаснейших штормов, какие часто свирепствуют под тропиками, и нам только с большим трудом удалось доставить ящик к пароходу. Мы потратили целых два часа, пока наш гиппопотам очутился на борту парохода,

В Кильве-Кивиджи меня ждало еще шесть гиппопотамов. Два дня спустя мы стали на якорь в Дарессаламе, где я застал коллегу, присланного фирмой Гагенбек. Он должен был отвезти транспорт моих зверей в Гамбург. В Дарессаламе я оставил 32 страуса, из которых во время моего отсутствия несколько штук околело. Они предназначались для германской колонии в юго-западной Африке и должны были попасть туда через Гамбург. Когда мы загоняли птиц в заказанные для них клетки, я с ужасом увидел, что клетки построены из чересчур легкого леса. Пришлось наскоро нанять столяров и перестроить заново ящики. Когда это было сделано, и птицы очутились в таможне, таможенный чиновник заявил мне, что страусов нельзя грузить на пароход без особого разрешения губернатора. Несмотря на то, что у меня было это столь важное разрешение, и что требуемая законом сумма за право на вывоз страусов в 9 000 марок была внесена куда следует, таможенник не давал разрешения на погрузку. Я нанял „рикшу“ и помчался в управление колонией. Губернатора не было во дворце. Мне пришлось ждать. Около половины девятого вечера я услышал, что его превосходительство прибыл, но в данную минуту ужинает. В конце концов, губернатор принял меня и написал мне несколько строк к начальнику таможни. В шесть часов утра мне удалось погрузить страусов, и вскоре пароход поплыл через Занзибар в Тангу, где к нашему транспорту прибавилось еще некоторое количество зверей. В Момбасе мы получили заказанный по телеграфу корм для зверинца, люцерну, овес, сено, сахарный тростник и т. д. Когда таким образом продовольственный вопрос моих питомцев был разрешен, я передал транспорт на попечение моего коллеги, который благополучно доставил его в Гамбург. Сам же я отправился на север колонии, где меня ожидали новые задания.

Глава III

Ловля жирафов в районе Меру

Давно уже зрело у меня желание предпринять большую охоту на жирафов на севере германской колонии. До тех пор восточно-африканский жираф ни разу еще не попадал в Европу живьем. Представленные в зоологических садах жирафы были исключительно суданского происхождения. Блекло-желтые пятна на светлом фоне суданского жирафа в большинстве случаев тусклее, чем окраска шерсти восточно-африканского жирафа с его кофейно-коричневыми, напоминающими виноградные листья, пятнами на светло-сером фоне. Я могу с гордостью сказать, что в результате предпринятой мной охоты я привез в Европу первые экземпляры вида, который встречается в масаиских степях (*Giraffa tippelskirchi* Mtsch). Местом для ловли я избрал гористый район Меру,

Я отправился по принадлежащей англичанам Угандской железной дороге в Фои, чтоб пробраться оттуда через безводную степь, протяжением в 70 английских миль, к границе и оттуда в германскую область Меру. Так как германская Узамбарская железная дорога еще не была доведена до этой местности, то все грузы, адресованные в германские области Килиманджаро и Меру, выгружались в Момбасе и доставлялись по Угандской железной дороге в Фои. Оттуда их приходилось переправлять на подводах, запряженных ослами, через степь. Удобными бычьими упряжками буров нельзя было пользоваться, так как на этом участке свирепствовала муха цеце. Ослы тоже не гарантированы от поражения мухой цеце, но гораздо менее чувствительны

к ней, чем быки и лошади. Какому-то индусу пришла в голову мысль доставлять грузы при помощи грузового автомобиля. Я обеспечил себе местечко рядом с немцем-шофером. Грузовик был битком набит индусами-купцами, баньянами, фунди¹, их семьями и товарами. Мужчины, женщины и дети сидели на тюках и на бочках с селедками, сами сбитые в кучу, как селедки. Грузовик выехал в шесть часов утра. До реки Фои все было благополучно. Но там запаса энергии в бензинной коробке нехватило, нам пришлось сойти с грузовика и заменить отсутствующие лошадиные силы, чтоб одолеть крутой подъем. Трясаясь и подпрыгивая, поехали мы дальше до окрестностей Буры, где предполагалась первая остановка. Недалеко от Буры, среди болот сооружена песчаная насыпь. Под тяжестью перегруженного автомобиля насыпь подалась с одной стороны и не успели мы опомниться, как грузовик со всеми своими пассажирами и грузом лежал в песке. К счастью, никто из пассажиров не пострадал. Пришлось тащить машину на насыпь. Однако, наших сил оказалось недостаточно. Несколько индусов отправились в ближнюю деревню, чтоб позвать на помощь негров. Поразительно было хладнокровие шофера; когда наш экипаж очутился вверх тормашками, у него не нашлось других слов, кроме лаконического восклицания: — Гм... лежит... Что ж, я тоже лягу...

Сказал и сделал.

С помощью длинных ветвей и тонких стволов нам удалось вернуть автомобиль в его естественное положение.

В Буре мы набрали запас воды, так как дальше дорога пролегла по безводной и безлюдной степи Серенгети. Тропическое солнце жгло немилосердно сквозь брезентовую крышу грузовика. Взметаемая колесами пыль, запах бензина и зной делали поездку очень тягостной. Слугнутые проезжающим автомобилем звери убежали поглубже в степь.

В этом районе, богатом дичью и удостоенном британским правительством почетного звания заповедника, вни-

---

¹ Ремесленники.

мание мое обратила особенная, попадающаяся там стадами, коровья антилопа, называемая там „конгони“. Эта антилопа (*Bubalis cokei* Gthr), величиной с небольшого бычка, обладает удлиненной головой, своеобразно дважды искривленными рогами и круто спускающейся спиной. Верхняя часть тела окрашена в светло-бурый цвет, нижняя же значительно

Жираф в степи.

светлее. Я с интересом смотрел, как эти животные спасались от автомобиля красивыми высокими прыжками. С характерным скрипучим криком вспархивали перед нашим автомобилем целые стаи цесарок и франколинов. К вечеру мы очутились в более высокой местности. Скромно пообедав и приняв меры против четвероногих хищников, мы закутались в одеяла и провели холодную, благодаря высоте местности, ночь под открытым небом.

На заре я был поражен великолепным зрелищем. Все вокруг нас было еще окутано сумраком, а вдали вырисовывались покрытые снегом вершины Килиманджаро—Кибо и Мавенци,—озаренные первыми лучами восходящего солнца.

Мало-по-малу сумрак рассеялся, и контуры величественной горы стали еще яснее. Я впервые видел этого великана восточно-африканских гор.

Позавтракав, мы отправились в дальнейший путь. Змейстыми поворотами подъезжали мы все ближе и ближе к германской границе и возвышавшейся за ней Килиманджаро. К вечеру мы достигли английской пограничной станции Тэвета, конечной цели нашего путешествия в автомобиле. Там нанял я несколько телег, запряженных ослами, и отправил их под присмотром моего слуги-негра. Сам я поехал на велосипеде до поселения, расположенного вблизи реки Химо, где заночевал в сооруженной из древесных стволов и глины мазанке, носившей громкое и оригинальное название: „Гостиница Голубой Обезьяны“. Там я застал несколько буров из Аруши, приехавших в оригинальных телегах, запряженных быками. Они занимались перевозкой грузов из Буико, конечной станции Узамбарской железной дороги. Буры мастерски управляют быками при помощи слова и кнута. В каждую из телег запрягается, по меньшей мере, четырнадцать, а иногда и больше быков. Каждый бык имеет свою кличку. У возницы в руках длинейший бич из жирафьей кожи. На ходу он покрикивает на волов. Один из буров докричался до хрипоты и при мне лечился своеобразным способом. Он смешал ложку керосину с сахаром и проглотил эту гадость, уверяя меня, что лекарство это действует безукоризненно.

Запряженные ослами повозки, везшие мой багаж, приехали к утру. Затем багаж был передан одному из буров. Мне же езда на быках показалась слишком медленной, и я, несмотря на плохую дорогу до Моши, резиденции окружного управления, опять сел на своего стального коня.

Вскоре ландшафт стал заметно меняться. Позади, в английских владениях была сухая травянистая степь, здесь — пышная растительность, богатые плантации и частные поселения. У подножия Килиманджаро эти поселения тянулись одно за другим почти сплошной цепью. Плоскогорья, служащие подступом к горному великану, принадлежат к числу наи-

более плодородных и здоровых мест на земном шаре. До полуторы тысячи метров вверх по склонам потухшего вулкана тянутся рощи бананов, дающих основное пропитание неграм вадьянга. Вышележащие девственные леса и заросли бамбуков полны слонов, буйволов, элен-антилоп, лесных кабанов, леопардов, сервалов и множества других

Кормление жирафов.

животных, которые находят в них приют и богатый корм. Пестро оперенный птичий мир представлен чрезвычайно богато, среди насекомых множество замечательно красивых видов, словом, вы попадаете в настоящий звериный рай, прекрасный, созданный самой природой парк, лучший заповедник.

В Моши я остановился в гостинице доктора Ферстера и побывал у начальника округа. Там я встретился с человеком, который тоже собирался проехать путь от Моши до Аруши на велосипеде.

Вначале мы ехали довольно быстро, хотя дорога подымалась в гору. Мы миновали реку Кикафу, деревню Бома

Ньянгомбе и на берегу реки Санья сделали небольшой привал. По дороге встречались большие стада овец, коз и быков под присмотром негров масаи. Видели мы диких страусов и целые стада зебр и антилоп. Но изъезженная тяжелыми бурскими телегами дорога становилась все тяжелее и тяжелее. Местами выветренная лава, в которой мы утопали точно в муке, делала езду на велосипеде совершенно невозможной. Похожая на пепел пыль превращалась на потной коже в серую корку, затрудняла дыхание и мутила зрение. Мы приближались к горе Меру. К вечеру мы доехали до Майи на Тчай (на языке свагили „чайная вода“). Несколько ставших там привалом буров угостили нас кофе. После короткой остановки мы поехали к реке Ндурума. Опять пришлось тащить на себе наших стальных коней и лишь местами удавалось проезжать на них небольшие расстояния. Оставалось каких-нибудь двадцать пять километров до нашей цели — Аруши.

На следующий день у меня был приступ лихорадки. Очевидно, во время охоты на берегах Руфиджи я схватил малярию. Следовало пролежать несколько дней в постели, но мне не хотелось валяться без дела, и я встал, чтобы подготовиться к охоте на жирафов. Поездка верхом на отстоявшую в десяти километрах бурскую ферму подкосила меня настолько, что я, едва доехав до цели, упал в обморок. Фермеры уложили меня в постель и трогательно ухаживали за мной целых три недели, пока я не встал на ноги. Свежее молоко, здоровая пища и чудный воздух вернули мне силы. Надо было наверстывать потерянное время. Приютившая меня ферма должна была стать исходным пунктом для экспедиции. Там я предполагал приручить пойманных животных и приучить их к искусственному питанию, так как только что пойманные животные редко переносят путешествие в Европу. С этой целью было устроено несколько загоронок и навесов.

Что значит снарядить экспедицию за жирафами, большинство читателей едва ли может себе представить. Прежде всего нужны дельные люди и хорошие, быстрые лошади.

Подводы, запряжки, дойных коров и коз для пойманных жеребят, принадлежности для ловли, палатки, провизию, оружие и множество всяких вещей надо заготовить наперед. При содействии моего хозяина и его хорошо знакомого с местностью друга, которые пожелали оба принять участие в охоте, мне удалось в короткое время закончить приготовления.

Четвероногий пленник у нашего дома.

Местом ловли были намечены окрестности горы Меру. В местности этой имеется несколько отдельно стоящих гор как Китумби и Мондуль (Раша-Раша). Преобладает там травяная и кустарниковая степь, в которую вкраплены довольно обширные древесные заросли, служащие убежищем для жирафов.

В один прекрасный вечер мы тронулись в северо-восточном направлении. Километрах в двадцати от исходного пункта мы сделали первый привал. Мы находились на высоте около 1400 метров, и ночной холод давал себя чув-

ствовать. Разница в температуре между этой возвышенностью и долиной рек Руфиджи колоссальная. Здесь перед нами была красивая, прохладная, свободная от москитов местность; там, внизу душный, влажно-жаркий воздух с невыносимыми тучами москитов.

На следующее утро, чуть свет, мы отправились дальше. Куда ни взглянешь, беспредельная, поросшая местами травой, местами кустарником степь. Прямо перед нами в траве бегают вереницы цесарок и похожих по цвету на куропаток франколинов, и гордо расхаживают крупные и мелкие дрофы (*Otis kori* Vucch и *Otis melanogaster* Rüpp). Чибисы вспархивают с громким криком и снова опускаются в траву. Длинноногие секретари из породы змеядных ястребов (*Serpentarius secretarias* Miller) усердно заняты поисками добычи. Гордо шагают марабу. Ищут червей серебристые скворцы, сверкая чудным оперением. Птицы-вдовушки, самцы которых щеголяют черным свадебным нарядом, кружатся над высокой травой. Белощекие серые мышанки карабкаются по деревьям. И все это пернатое царство не обращает на нас внимания и не проявляет страха.

Вся степь иссечена множеством звериных следов. Иные тропы очень глубоки. Множество следов серно-быков, элентилоп и гну говорят нам об огромном богатстве этой местности. Видны также трехкопытные следы носорогов, а по изглоданным кустам догадываешься, что они кормились здесь еще прошедшей ночью. Мы проезжаем мимо огромных стад зебр. Они поворачивают к нам головы, не думая обращаться в бегство. Небольшие стада томсоновских газелей рассматривают нас, забавно виляя хвостами. Но вот я замечаю на земле след предлинных шагов—первый след жирафов! Скоро их становится много: мы доехали до места своей „работы“.

Неподалеку от большого озера мы разбили к вечеру свой лагерь и соорудили несколько краалей для добычи. Прежде всего надо было отправиться на разведки. Среди равнины попадалось много скрытых глубоких трещин и крутоскалистых ущелий, которые легко могут стоять жизни

скачущему верхом охотнику. Проезжая по краю этих ущелий, мы старались с точностью запомнить их расположение. Во время одной из разведок мы увидели первое стадо жирафов из одиннадцати голов. Животные вышли из рощицы и брели вдоль ее опушки. Все это были взрослые экземпляры, и я наслаждался видом этих степных великанов, проходящих своей колеблющейся походкой всего в нескольких стах метров от меня. По следам на песке я заключил, что в роще есть и детеныши.

Обстоятельно ознакомившись с местностью, мы выбрали для стоянки верхушку холма, с которого прекрасно видна была вся окрестность. Лошадей мы держали наготове в укромном местечке за холмом. Затем стали наблюдать за местом в бинокли. Длинношеих жирафов очень трудно заметить среди деревьев невооруженным глазом, особенно, когда солнце находится в зените, и животные прячутся в тень деревьев. В жаркое время дня, часов с десяти до трех, жирафы стоят или лежат в тени высоких акаций. Это самое подходящее время для наблюдения. Ловить же их лучше всего рано утром или под вечер, так как они в это время меняют свое местопребывание и переходят через открытые места степи.

Мы наметили стадо с детенышами. Быстро кинулись мы к лошадям, осмотрели седла и сбрую. Оставаясь все время под прикрытием деревьев и кустов, мы подъезжаем легкой рысью к жирафам. Вот мы уже в двухстах метрах от стада, мы уже ясно видим молодое животное, которое хотим поймать. Оно щиплет траву рядом с матерью. Напряженность внимания повышается, каждый нерв натянут, как струна. Мы приближаемся еще на несколько метров, но в это время жирафы нас замечают, и все стадо обращается в дикое бегство. Тут уж нечего медлить. Мы пришпориваем лошадей, забываем обо всем, глаза и мысли направлены исключительно на молодого жирафа. Мы врзаемся прямо в середину стада и пробуем отрезать бегущего рядом с матерью детеныша. Нам уже удалось отеснить его в открытую степь. Стадо продолжает бежать. Ловко брошенное лассо свистит

над головой молодого жирафа. Петля накинута. Быстро соскакиваю с лошади. В это время подлетает второй всадник и набрасывает вторую петлю на животное. Жираф сначала совсем ошарашен, но тотчас же начинает понимать свое положение и с громким мычанием делает безумные прыжки, пробуя освободиться. Он пытается лягнуть нас то передними, то задними ногами. Раз они пробили насквозь мой пробковый шлем. После того я стал класть под шлем траву.

С молодыми жирафами надо обходиться очень кротко. Одним неосторожным движением можно вывихнуть или даже переломить длинную шею жирафа. Поймать жирафа необходимо в течение трех-четырех минут, иначе он волнуясь умрет от страха. Жираф одно из самых быстрых животных и в состоянии, спасаясь от преследования, пробегать 800—900 метров в минуту.

К нам подспела помощь, и мы делаем попытки затащить пленника в лагерь. Это не так легко. Жирафы до того упрямы, что их ни за что не сдвинешь с места. В подобных случаях животное связывают, кладут на телегу и отвозят в лагерь. Случается, что, гоняясь за каким-нибудь капризным животным, охотник удаляется от лагеря на десятки километров, и ночь застигает его в степи. Однажды следовавшая за нами подвода потеряла наш след. Всю ночь приходилось по очереди держать животное. Иногда нам, однако, удавалось отводить пленных жирафов без больших трудностей. Нрав у этих животных так же различен, как у людей. Я наблюдал это и в лагере: одни из них охотно пили тотчас же после пленения предложенное им молоко, другие в течение нескольких дней отказывались от всякой пищи.

У одного моего знакомого был молодой жираф. Человек этот никак не мог научить сосать это высокое, в два с половиной метра, животное. Резиновой соски у него не было под рукой. Ему пришлось в голову заставить козу кормить „малютку“ жирафа. Он соорудил вокруг акации особый помост и поднял туда козу так, чтоб длинношеее животное могло достать до ее сосков. Ему удалось заставить молодого

жирафа питаться молоком, но все же тот вскоре околел. Пойманных мною жирафов я никогда не кормил из соски. Однажды молодая элен-антилопа проглотила соску и впоследствии в Гамбурге околела!.. Своих животных я приучал пить из чашек. Это довольно утомительное дело, и мне приходилось при этом проявлять много терпения. Надо осторожно подносить высоко поднятую чашку с молоком к морде жи-

Кормление жирафов.

рафа. В конце концов он начинает тыкаться мордой в чашку, молоко попадает ему в ноздри, и он, фыркая и плюясь, выливает содержимое на голову кормилицы. Молодое животное не умеет еще пить самостоятельно и проделывает губами сосательные и отталкивающие движения. Каждый урок приходится начинать сызнова. Конечно, отлученный от материнского вымени сосунок вылетит не один молочный фонтан на голову и в лицо своему воспитателю. В благодарность жираф лижет его иногда своим длинным слизистым языком по лицу. Случалось, что пока я держал чашку и

поил одно животное, другие, уже выпив свою порцию, подходили и тянулись к молоку. Один жираф схватил меня своими крупными влажными губами за ухо и попробовал было пососать его. Привыкши пить молоко из чашки, жирафы легко узнают, когда наступает время кормления. Стоит им слышать звон чашек, и они стоят уже наготове, проталкиваясь вперед, чтобы быть первыми. Чистота, умеренность и аккуратность—три главных фактора в уходе за этими хрупкими животными. Перекормить их очень легко. Неподходящий и несвоевременный корм может вызвать смерть жирафа.

Ловля жирафов не всегда проходит так гладко и по заранее намеченной программе. И к всаднику и к лошади предъявляются очень большие требования. Одной быстроты недостаточно. Лошадь должна быть еще знакома со зверем и уметь переносить запах жирафа. Некоторых лошадей никак нельзя подвести близко к жирафу. Ловкость и самообладание не должны покидать всадника при бешеной скачке ни на одну минуту. Опрокинутые деревья, кусты, оплетенные лианами, колючий терновник, норы земляных поросят, постройки степных даманов (*Heterohyrax mossambicus* Ptrs) и т. д. подстерегают вас на каждом шагу. Гонясь однажды за жирафом в высокой траве, один из моих помощников упал с лошади в пяти метрах передо мной. Лошадь его попала передними ногами в нору земляного поросенка и перекувырнулась вместе с всадником. Я не успел повернуть в сторону, как она бешеным прыжком перескочила через препятствие. Упавший помощник лежал на земле как мертвый. Лишь через несколько минут мне удалось привести его в чувство. Вместо жирафа мне пришлось гнаться за его взбесившейся лошастью. В другой раз потерпевшим оказался я сам. Я гнался верхом за молодым гну. Я держал наготове лассо и уже собирался бросить, как вдруг гну скрылся от меня через колонию степных даманов. Лошадь моя поскакала над сетью нор, но вдруг уткнулась обеими передними ногами в землю, буквально став на голову. К счастью, падение мое обошлось сравнительно благополучно; кроме силь-

ных ссадин на коленях, я отделался лишь переломом правого предплечья. В другой раз лошадь и всадник попали в старую, вырытую туземцами для носорогов волчью яму, их пришлось буквально откапывать. Не одни неровности почвы угрожают опасностью охотнику. Нередко свешивающиеся слишком низко ветви деревьев выбрасывают всадников из седла. Степь, усеянная колючим кустарником, ужасно затрудняет охоту.

Когда попадешь в самую гущу стада, приходится бегаться, чтоб эти исполинские животные не затоптали тебя. Человек на лошади рядом со взрослым жирафом похож на лилипута.

Незабываемую картину представляет собою стадо жирафов в степи. Делая скачки в несколько метров длиной и то опуская, то вскидывая свои длинные шеи, мчатся они вперед.

Обычно бегущие жирафы изображаются с вытянутым хвостом. Это совершенно неверно. Жираф, собираясь бежать, прижимает свой хвост, заканчивающийся длинной кистью черных волос, к задней ляжке и на бегу держит его в том же положении. Ни разу мне не приходилось видеть, чтоб жираф во время бега размахивал хвостом, как это делают, например, гну.

В настоящей главе несколько раз упоминались норы земляных поросят. Эти опасные для всадника норы служат убежищем животному (*Orycteropus wertheri* Mtsch), которое, кроме названия, не имеет абсолютно ничего общего с поросенком и относится к разряду неполнозубых. У земляного поросенка шерсть мышинного цвета, большие ложкообразные уши, длинный, очень сильный хвост; весом он достигает 80 килограммов. В длинном хоботообразном рту у него находится червеобразный, способный далеко вытягиваться язык. Земляной поросенок выходит исключительно по ночам в поисках пищи. Необычайно сильные когти передних ног дают возможность этому животному быстро зарываться в землю и проникать даже в холмы термитов, обитатели которых составляют его главное пропи-

тание. Длинным липким языком он облизывает ходы термитника, причем насекомые прилипают к его языку. Характерен для этого животного своеобразный мышиный запах. Он в состоянии защищаться только передними лапами и вообще является довольно безобидным животным. Кусаться он не может, так как у него нет зубов, а лишь мягкие наросты на челюстях. Рот он открывает очень нешироко. В продолжение дня земляной поросенок спит в норе и лишь с наступлением сумерек выходит наружу. Его очень трудно вытащить из норы. Мне все же удалось заполучить живьем одного представителя этого вида и доставить его в Европу. Уход за ним и кормление не очень трудны, так как он охотно пьет молоко и ест сырые яйца и тонко наскобленное мясо. Для жилья ему нужно предоставить клетку с двумя отделениями, из которых одно должно быть совершенно затемнено. В разделяющей отделения перегородке на половинной высоте должно быть проделано отверстие, дающее возможность обитателю клетки попадать в отделение, где помещается корм. Корм для животного ставится вечером и утром, молоку не надо давать скисать. То, что земляной поросенок так редко попадает в наши зоологические сады, объясняется именно неумением кормить его как следует.

Совершенно такого же ухода и корма требуют относящиеся к тому же отряду короткомордые степные ящеры. (*Manis teminckii* Smuts)

Уже по прошествии нескольких дней в нашем обладании были два молодых сильных жирафа, ростом около трех метров. Мы устроили лагерь километров на тридцать поближе и, заняв наблюдательные посты на холмах, принялись сызнова за работу. Мне удалось найти в той местности редко встречающийся вид жирафовидной газели (*Lithocranius valleri* Brooke). Через бинокль или подзорную трубу случилось видеть, как небольшие группы этих животных пощипывали листья в рощице. При этом они становятся очень забавно на задние ноги, чтобы достать листья, растущие на самой макушке. Жирафовидная газель представляет собой очень стройно сложенный вид антилопы средней величины.

У самцов кольчатые и лирообразно изогнутые рога. Жирафообразные газели очень проворны и поэтому поймать их верхом на лошади невозможно. Несколько позднее, в 1914 г., мне удалось заполучить несколько экземпляров этого вида газелей в стране Сомали.

Покончив с охотой, мы решили собрать свою добычу на ферме, служившей отправным пунктом нашей экспедиции. С этой целью я отправился с несколькими неграми к наиболее отдаленному краалу, у Энгаруки, где находились два жирафа. В Энгаруке я лишний раз убедился в том, что значит оставлять пойманных животных под присмотром негров. Вместо того, чтоб поить молоком жирафов, они предпочитали пить его сами. Масаи—хорошие скотоводы и очень любят домашних животных, но к диким животным они совершенно равнодушны. Я распорядился надеть на жирафов недоуздки, что очень взволновало пугливых и нервных животных. Они били передними и задними ногами, нанося чувствительные удары.

Совсем не легко вести жирафов на недоуздке. Они то останавливаются, то пускаются бешеным галопом, то бегут назад. Ночь нам поневоле пришлось провести под открытым небом, держа животных за поводья.

С наступлением утра произошел забавный случай. Часть моих спутников, смертельно утомившись, улеглись спать вокруг костра. А негры несколько в стороне от костра держали на поводьях жирафов, пощипывавших листья. Вдруг со стороны бивуака послышался громкий крик: „симба, симба“¹. Я не видел в предрассветных сумерках в направлении, куда указывали негры, ничего, кроме собственной моей собаки, бежавшей почему-то прямо к бивуаку. В тумане собака казалась значительно крупнее, чем была на самом деле.

После семидневного пути через степь мы достигли, наконец, фермы. За время двухмесячной охоты мы поймали восемь жирафов, несколько молодых зебр, серно-быков и элен-антилоп и еще разных зверей.

¹ Лев.

Надо было дать пойманным зверям оправиться после пройденного пути, и я предоставил им свободу в отгороженных просторных лужайках. Многие из негров, участвовавших в ловле, вернулись в родные деревни. Вновь нанятые сторожа были мало знакомы еще со зверями и даже как-будто побаивались жирафов. Потребовалось немало времени, пока эти новички привыкли к своему делу и научились обходиться со своими питомцами.

Когда звери отдохнули, я решил доставить весь транспорт на станцию Кахе, Узамбарской железной дороги. До станции всего полтораста километров, но шли сильные ливни. Первые предвестники дождливого периода явились как-то преждевременно в тот год.

Когда после первых дождливых дней наступила сухая погода, тронулись в путь. Жирафы, избаловавшиеся на ферме, благодаря хорошему уходу и сравнительной свободе движений, ни за что не хотели идти на поводу. Нам с трудом удалось вывести их из краалей. Но когда первый жираф был благополучно доведен до ворот и увидал перед собой открытую степь, он бросился неудержимо туда, а остальные последовали за ним. Я вел с несколькими неграми и одним колонистом самое сильное из наших животных.

Когда они пустились вскачь, негры упали на землю, выпустили, конечно, из рук поводья, а меня и моего помощника жираф потащил за собой. Мы крепко держали поводья. Во время этой безумной скачки мой помощник споткнулся о край наполненной водой канавы и тоже выпустил из рук повод. Животное тащило меня до тех пор, пока не устало и не остановилось. К этому времени меня опять нагнал мой помощник. Оглянувшись назад, я увидел, что остальные семь жирафов рассыпались во все стороны по степи. Так как они были меньше и слабее моего, то неграм удавалось их удерживать на поводу. Медленно продвигались мы вперед. Я утешал себя тем, что первый день путешествия с животными всегда бывает самый трудный.

В Аруше мы сделали остановку. Для молодых жирафов у нас было десять дойных коров. Они шли впереди кара-

вана. Как во многих местах, африканские коровы не дают доить себя, если рядом не стоит теленок. Теленок должен пососать молоко и только после этого можно приступить к дойке. Пока мы возились в пути с жирафами, телята высосали у своих маток все молоко. Что было делать? Получить чистое парное молоко не было возможности, так как окрестные негры не содержат в достаточной чистоте посуду для молока и молоко в ней скоро скисает. В конце концов мне удалось получить несколько литров молока от местных колонистов. Затем я занялся подделкой молока. Я взял маисовой муки, сварил из нее на воде и молоке вкусную похлебку, которую мои проголодавшиеся животные с жадностью выпили. Не успел я заснуть, как полил дождь точно из ведра. На следующий день дождь лил без перерыва, и на мой телеграфный запрос в Моши получилось сообщение, что повсюду начались дожди и переправа вброд стала невозможной. Пришлось отвести животных обратно на ферму, четыре же из моих жирафов околели от холода и ненастья.

Дождливый период был в разгаре, и раньше двух месяцев нельзя было надеяться на ясную погоду. Проливные дожди размягчают степную почву настолько, что сообщение на колесах становится совершенно невозможным. Небольшие горные ручьи превращаются в непроходимые потоки. Они несут вырванные с корнем кусты и даже огромные столетние деревья, часто запирающие собой русло в ущельях и долинах. Реки выходят из берегов, и горе колонисту или путешественнику, который очутится с повозкой между двумя такими потоками. В это время среди домашних животных свирепствуют разные болезни. Особенно страшна лошадиная чума, от которой пока нет никакого средства. У меня эта болезнь унесла за один год четырех верховых лошадей.

Глава IV

По степям масаи и английскому заповеднику

Между станциями Фои и Наироби, Угандской железной дороги, тянется огромный степной массив, который английское правительство объявило заповедником для диких животных. Охота в этой местности строжайше воспрещена, и вследствие этого фауна здесь очень богата. Путешественник может из окна вагона наблюдать бесчисленные стада антилоп, жирафов, бородавчатых свиней, страусов, а то, если особенно посчастливится, даже носорога или льва. Поселения европейцев и негров в заповеднике не допускаются; там разрешено жить и пасти свои стада лишь многочисленным ордам хамитского племени масаи, совершенно не занимающегося охотой. Мирно пасутся там дикие животные рядом со стадами быков и коз масаи. Европейец, желающий посетить эту местность с научными или другим какими-нибудь целями, должен заручиться разрешением губернатора британской восточной Африки, которое выдается крайне редко.

С девятью носильщиками выступил я в поход по бездорожным пространствам, отделяющим на протяжении четырехсот километров Арушу от Наироби. Никто из моих людей не знал дороги, лишь компас и несколько горных вершин служили нам путеводителями. Единственно благоприятной стороной нашего путешествия было то, что мы везде находили воду, так как и здесь прошли большие ливни. Мы уже были несколько дней в пути, гора Лонгидо и гора Эрок остались уже позади; мы перешли уже английскую границу. Но чем дальше проникали мы в незнакомую местность, тем беспокойнее и боязливее становились мои носильщики.

Нельзя было и думать подстрелить для них какую-нибудь дичь. Мы давно уже находились в пределах заповедника и при мне не было никакого оружия. Дикие звери, не преследуемые здесь никем и не знающие европейцев с их огнестрельным оружием, не проявляли особого страха. Богатство фауны почти сказочное. Нам случалось иногда целые часы итти среди диких животных. В один день я видел семь носорогов; двух борющихся самцов коровьей антилопы я мог наблюдать в течение нескольких минут на расстоянии двадцати шагов, прежде чем они убежали. К сожалению, у меня не было с собой фотографического аппарата. Переправляясь в брод через небольшое озерко, я видел огромного паука, величиной в человеческую ладонь, покрытого бурокоричневыми волосами. Насекомое это заинтересовало меня, я поймал его и упрятал в жестянку. Это был самый крупный паук-птицелов, какого мне приходилось когда-либо видеть. Этот вид пауков (*Mygale spec*) отличается необычайной хищностью и справляется даже с мышами, ящерицами и небольшими птицами. Укус их ядовит и может вызвать у человека болезненные явления, а у детей даже смерть. Я привез это насекомое в Гамбург. Два года спустя застал его еще живым в штеллингенском отделении для насекомых.

Восемь дней шли мы в северном направлении, не встретив по дороге ни одного человека. Мы прошли уже много километров по горам и долам, покрытым местами кустарниковыми, местами травяными зарослями. Наконец на девятый день я заметил первые следы бычьих копыт и вздохнул с облегчением. Мои негры давали мне уже неоднократно понять, что они непрочь оставить меня одного с багажом и вернуться домой. У них составилось представление, что я никогда не дойду до Найроби, и все мы рано или поздно погибнем в степи. К тому же они никак не могли уразуметь, почему я путешествую без ружья и не убиваю дичи.

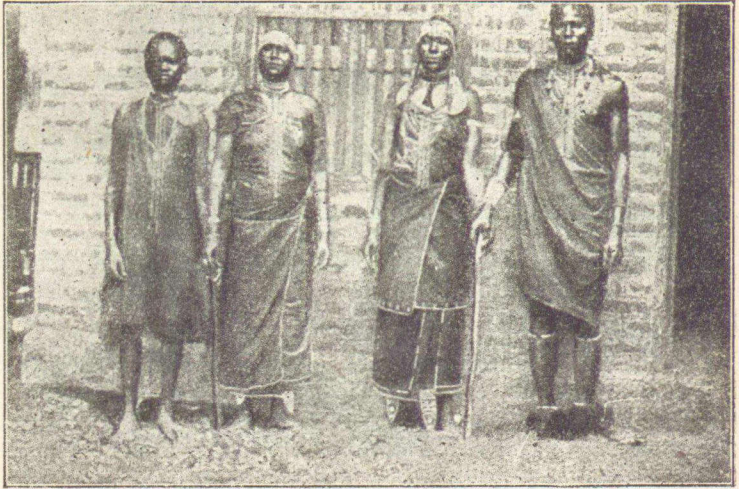
Направившись по бычьим следам, мы услышали вскоре однообразный звон колокольчиков масаиских стад. Затем мы подошли к стаду, и пастухи указали нам на расположенный поблизости крааль. Лица у моих носильщиков начали

понемногу оживляться. Из осторожности я наказал своим людям не говорить, кто я такой и куда направляюсь; я не хотел, чтоб масаи узнали, что я путешествую один и вооружен только револьвером. Я объяснил свое появление тем, что мы являемся авангардом большого каравана. После долгих переговоров мне удалось приобрести барана для изголодавшихся носильщиков. Молока пастухи нанесли нам вдоволь. Африканские туземцы, как настоящие дикари, имеют привычку есть только один раз в день, но зато основательно. Один из носильщиков выпил столько молока, что живот у него вспучился, как туго набитый мешок, и вскоре молоко выплеснулось уже в створоженном виде. Остальным носильщикам из племени варуша молоко пошло на пользу; упомянутый же выше, из племени ньямвези, не привыкший к молоку, не мог его переварить. Рвота могла быть вызвана еще неприятным вкусом молока, сохраняемого у масаи в нечистой посуде: в бедных водою местностях масаи выполаскивают посуду коровьей мочой, а потом окуривают ее внутри дымом.

Крааль, т. е. ограда вокруг поселения людей и животных, масаи имеет обычно овальную форму и устраивается из кустов терновника. По обоим концам его находятся выходы, которые на ночь тоже загораживаются колючим кустарником. Вдоль внутренних стен ограды построены хижины из кустарника, глины и коровьего навоза. В этих хижинах живут не только люди, за перегородкой ютятся телята и ягнята, в то время, как взрослый скот даже ночью остается под открытым небом посредине крааля. В подобном краале проживает часто больше сотни людей. Нигде в окрестности не видно никаких следов земледелия; в лучшем случае вокруг колючей изгороди, снаружи крааля, обвиваются плети бутылочных тыкв, которые служат неграм масаи посудой для воды и для молока. Куры, яйца, а также рыба вызывают у масаи отвращение.

Характерную черту этого племени составляет необычайное высокомерие. Гордо шествует воин масаи, вооруженный щитом и копьем. Бесстрашно выступает он с этим оружием против льва, злейшего врага его стад. Он — воль-

ный человек и чувствует себя хозяином степи. Устройство краала и всякие другие работы исполняются исключительно женщинами. Одежда мужчин отличается крайней простотой. Она состоит из куска бумажной материи или шкуры, покрывающей грудь и живот. На одном плече этот лоскут мате-

Представители племени масаи.

рии или шкуры завязывается узлом, другое же плечо остается обнаженным. Женщины одеваются в шкуры, доходящие до икр и перевязанные поясом на бедрах. Края одежды бывают унизаны разноцветными бусами. На ногах и мужчины и женщины носят примитивные сандалии из кусков бычьей кожи. Ноги у женщин украшены от щиколки до колен спирально изогнутой толстой медной или латунной проволокой. Такими же тяжелыми украшениями обвиты у них предплечья и локти. В ранней молодости девушки надевают эти украшения, и потому у старух можно видеть искривление рук: рост костей задерживается этим стесняющим движением украшением. Вокруг шеи они носят тоже изогнутые

в виде колец куски медной проволоки довольно большого диаметра. Украшения в ушах состоят из небольших железных цепочек, которых бывает иногда так много, что их приходится перевязывать ремешком через голову, чтоб не оторвались от их тяжести ушные мочки. Когда группа таких женщин идет рядом, шуршание их кожаной одежды и лязг и побрякивание металлических украшений производят такой шум, что можно подумать, что идет целый отряд кирасир. Мужчины тоже продырявливают себе острой палочкой еще в детском возрасте ушные мочки. Отверстие постепенно расширяется тем, что в него вставляются все более и более толстые деревянные колышки. Когда ранка зажила, негр масаи старается еще больше расширить отверстие, привешивая все более и более тяжелые подвески. Я видел мужчин, носивших на ушных мочках огромные деревянные кольца, и даже жестяные банки из-под сгущенного молока.

Чувство опрятности слабо развито у негров масаи. Мне никогда не приходилось видеть, чтоб масаи умывался или купался. Для защиты от насекомых они натирают себе тело смесью из масла, бараньего сала и красной земли; этим же составом они натирают и свой убогий наряд, так что в солнечных лучах масаи лоснится точно сардинка, облитая прованским маслом. Женщины бреют головы до гола, мужчины же отдают много внимания своей прическе. Волосы спереди торчат над лбом тремя небольшими рогообразными косичками, на затылке же сплетаются в толстую косу. Прическа редко распускается и все время натирается описанной выше смесью из жира и земли. Для защиты от влаги масаи покрывают голову оригинальным головным убором. Бараний или телячий желудок вспарывается, выворачивается наизнанку и еще свежий натягивается на голову. На солнце этот головной покров ссыхается, принимая форму головы. В последнее время у негров масаи вошел в моду также зонтик, и редко можно встретить мужчину без зонтика, которым он, однако, никогда не пользуется. Он носит его на перевязи за спиной, как ружье, так как одна рука у него занята копьем, а другая щитом. Кроме того, у мужчины имеются

роговые табакерки, которые он носит на железной цепочке или на узеньком ремешке, перекинутом через шею. Масаи очень любят нюхать табак, курящих же я никогда среди них не видел. Нюхательный табак у негров масаи крепкий

Масаи за домашними работами

и пахнет очень подозрительно. Похоже, что он смешан с сухим козьим пометом.

Поблизости от крааля масаи водится множество мух. Люди все время размахивают особой махалкой, чтоб отгонять этих назойливых мучителей по крайней мере от глаз. У грудных младенцев, которых матери носят на спине, все лицо всегда покрыто мухами. Точно так же деревянная посуда и калесасы¹ обычно сплошь усеяны мухами. Эта мушиная напасть является, несомненно, главной причиной того, что масаи очень часто болеют глазами. Для того, чтоб иметь хоть какой-нибудь покой от мух, я предпочел разбить свой лагерь в нескольких стах метров

¹ Посуда, выделанная из тыкв.

от крааля. Мои люди тотчас же принялись жарить барана. Кацик крааля явился в сопровождении старшин, чтоб получить обычный подарок и, получив его, тотчас же удалился.

На следующее утро я заставил наш небольшой караван двинуться в дальнейший путь на рассвете. Нам пришлось проходить мимо покинутого хозяевами-масаи крааля. Я пробрался в одну из хижин, чтоб осмотреть ее внутреннее убранство. Не успел я туда войти, как меня осыпали тысячи блох. Я поспешил убраться оттуда подобру-поздорову и увидел при дневном свете, что весь мой костюм усеян этими насекомыми; их пришлось стряхивать целыми пригоршнями.

К вечеру мы прошли ущелье и наткнулись на большое озеро с чистой прозрачной водой. Я обрадовался возможности выкупаться и попросил одного опытного негра очистить мои ступни от земляных блох, загнездившихся между пальцами. Эти земляные блохи (*Sarcopsylla penetrans*), занесенные первоначально на западное побережье Африки из Бразилии и распространившиеся оттуда в течение нескольких лет почти по всему черному континенту, особенно охотно забираются под ногти ножных пальцев, где откладывают свои яички. Последние очень быстро развиваются под ногтями и вызывают жестокий зуд. Туземцы умеют очень ловко извлекать эти наросты, достигающие величины горошины, при помощи длинных и острых колючек. Если запоздать с этой операцией, наступает злокачественное воспаление.

Часто нам попадались навстречу группы молодых воинов-масаи в полном воинском снаряжении, бродившие от одного крааля к другому.

Я спросил у воинов, сколько дней пути нам осталось еще до Наироби. Они сказали мне, что на следующий день мы будем на равнине Капити, но не советовали итти через эту широкую, поросшую лишь низкой травой равнину. Там, говорили они, не найти ни дров для костра, ни колючего кустарника для защиты от хищных зверей, а итти по ней придется по крайней мере два дня. Мне не оставалось ничего другого, как свернуть на восток, чтоб дойти до Угандской железной дороги. Некоторые из масаи утверждали, что

Женщины племени масаи.

я за один день дойду до полотна дороги. Мы прошагали быстрым шагом целый день, и к вечеру опять наткнулись на большие стада быков и на крааль. Пастухи оказались мало приветливыми и очень неохотно показали нам место, где у них была вода. Я решил быть настороже, сделал привал за целый километр от крааля, велел своим носильщикам спать, сам же остался дежурить. Около часу ночи взошла луна, я разбудил своих людей, и мы, не поднимая шума, зашагали дальше. Несмотря на то, что кругом слышалось рычание львов, мы все ускоряли свой шаг, чтоб поскорей дойти до железной дороги. Наконец, переходя через небольшую возвышенность, я услышал вдали свисток паровоза. Этот давно неслышанный мною звук мгновенно потряхнул с меня всякое чувство тревоги, и напряженные нервы мои успокоились. Правда, через несколько шагов степь еще раз внушительно напомнила о себе. Спугнутое паровозным свистком, забредшее почти к самому полотну железной дороги стадо жирафов налетело в паническом бегстве прямо на нас. Нам удалось своевременно спрятаться за деревья, и колоссальные животные проскакали совсем близко. Мы находились поблизости от станции Киу (что означает „жажда“).

На каждой станции английской Угандской железной дороги имеется небольшой домик из гофрированного железа, готовый к услугам путешественника. Домик, куда я попал, был пуст. На станции я узнал, что некий мистер Грей, брат английского министра, охотится за львами и поймал живыми несколько молодых львов. Я посетил его и осмотрел зверенышей. Все они оказались самками, и обладатель их требовал за них слишком высокую цену. Грей занимался львиной охотой, как ярый спортсмен, и несколько позднее пал жертвой своей страсти. Англичане воздвигли смелому охотнику на львов памятник в Наироби.

Позавтракав, я велел снести весь мой багаж на платформу и купил билет до Наироби. Но когда с грохотом подкатил поезд, и я хотел войти в вагон, мои негры в паническом ужасе убежали и спрятались, дрожа от страха, за станционные постройки. Один я не мог уехать, так как

на мне лежала ответственность за носильщиков. Пришлось пройти пешком две английских мили, отделявшие нас от ближайшей станции Капити-плэнс. Сначала, при прохладной погоде, мы бодро шагали вдоль железнодорожного полотна. Через несколько часов путь был пройден, и мы очутились в богатой дичью равнине Капити. У моих негров изорвались сандалии на остром щебне, которым было усыпано полотно. Мимо нас проезжало много поездов, чернокожие пассажиры подтрунивали над своими марширующими пешком земляками. Видя, что земляки с комфортом едут в вагонах, мои носильщики поняли все преимущества железнодорожного путешествия. На следующий день они охотно, хотя и не без страха, сели в поезд, уходивший в Найроби. Я недоверчиво следил за их посадкой, и лишь когда кондуктор запер дверцу купе за последним из них, я вскочил на площадку своего вагона. В пути я увидел замечательную картину. Рядом с полотном лежала растерзанная зебра, и тут же, подле нее, стояла львица. При приближении поезда львица сделала несколько прыжков в сторону, но потом остановилась, недоверчиво поглядывая нам вслед, но не убегая. Около полудня мы приехали в Найроби. Со дня моего отбытия из Аруши прошло одиннадцать дней.

Найроби находится в 540 милях от берега моря. Этот город является столицей британской восточной Африки и резиденцией губернатора. Лет пятнадцать тому назад Найроби представляло собой группу домиков из гофрированного железа; в настоящее же время город весь почти состоит из красивых, прочных каменных построек. Там устроены крупные фабрики по обработке молочных продуктов, мельницы и мясохладобойни, свидетельствующие о быстром экономическом расцвете города.

Мне повезло там, и вскоре я имел возможность составить приличный транспорт зверей, состоявших из зебр, буйволов, элен-антилоп, томсоновской газели, лесных кабанов, бородавчатых свиней, конгоны, носорога, множества разных мелких хищников, ястребов, простых и „венценосных“ журавлей, разных цапель, зеленых попугаев, ткачей и т. д.

Океанский пароход в Европу отправлялся через неделю. Я принялся за устройство клеток для отправки зверей. С помощью целой армии негров все звери были заключены в крепкие ящики. Транспорт вырос настолько, что мне пришлось заказать специальный поезд для доставки его в Момбасу. По пути нам пришлось проехать снискавшую недобрую славу станцию Симба, получившую свое имя от царившего там во время постройки железной дороги львиного засилья. Львы утаскивали во время постройки дороги рабочих из их жилищ, и даже сам начальник станции не решался в первое время выходить за пределы станционного здания. Проехав двадцать шесть часов по железной дороге, мы достигли Момбасы. Это путешествие было для меня одним из самых трудных, так как поезд состоял из девяти открытых платформ, и на ящики с животными летели не только пыль и песок, но также искры из трубы отапливаемого дровами паровоза. Для предупреждения пожара к каждому вагону было приставлено по два негра с запасом воды. На каждой станции мне приходилось обходить весь поезд, чтобы убедиться, что негры наместах и не спят. Один из сторожей заснул однажды так крепко, что не заметил, как от искры затлелась на нем одежда.

Год спустя мне случилось еще раз пройти поперек степь масаи и область Кикиую, на этот раз в обратном направлении. Я очутился опять в Найроби, где мне пришлось присматривать за отправкой каравана со зверями. Я воспользовался случаем сделать там разные закупки для проектированной мною фермы, на которой я предполагал приручать и воспитывать диких животных. Кроме того, мне нужно было несколько хороших верховых лошадей для ловли зверей, которых я не мог получить в германской колонии. Чтоб не подвергать ценных лошадей опасности укусов мухи цеце при отправке к берегу моря, а вместе с тем, чтоб поскорей доехать до моего места назначения, я решил проехать все расстояние от Найроби сухим путем через степь масаи.

Глава V

На нашей звериной и страусовой ферме

На только что начатой постройкой конечной станции Узамбарской железной дороги Моши-Новая люди были заняты погрузкой домашних животных, всякого рода земледельческих орудий, инструментов, ящиков и т. п. на запряженные быками подводы. Местный старожил-колонист мог сразу сообразить, что здесь грузят все необходимое для устройства нового поселения. Так оно и было на самом деле.

Я задумал устроить ферму для разведения страусов и европейского породистого скота и там же проводить предварительную дрессировку зверей перед их отправкой в Европу. Во время путешествий по германской и английской восточной Африке я присматривался на многих фермах, где мне приходилось бывать, к разведению домашних животных. Я нашел, что фермы в английской восточной Африке, получавшие хороших племенных животных из своих государственных питомников, достигли гораздо больших успехов в разведении скота, чем немецкие колонисты.

Лучшим местом для устройства фермы была признана область на склонах горы Меру. На склонах, на высоте приблизительно 1 400 метров над уровнем моря, раскинулась волнисто уходящая к западу местность, по которой змеится небольшая горная речонка. Туземцы называют ее „Энгаре ол Мтонье“, что означает „Вода Коршунов“. С этим названием связано предание. На берегах этой речки происходило однажды кровопролитное сражение между племенами масаи и вамеры, завершившееся победою масаи. Несколько сот

воинов пало в этом сражении с обеих сторон, и коршуны слетелись на место побоища в таком множестве, что павшие были до последней косточки обглоданы ими. Долго еще—рассказывает предание—многочисленные стаи хищников оставались там, и речка получила от них название.

С разрешения колониальных властей я занял под ферму участок в 2 000 гектаров. Местность эта абсолютно свободна от мухи цеце, и благодаря этому местные колонисты и туземцы в широком масштабе занимаются разведением скота. Девственная, поросшая пышным вечно зеленым травяным покровом, вулканическая почва очень плодородна, а здоровый прохладный климат прекрасно переносится европейцами.

В ноябре 1911 г. мы с женою отправились из Германии, захватив с собой помощника-немца. Мы благополучно прибыли в Тангу. Там наши племенные животные и вещи были выгружены на берег. Сам я с женой отправился в Дарес-салам, чтобы уладить в колониальном управлении формальности. Когда все было устроено, нам пришлось пробыть там еще четырнадцать дней, пока не подвернулась оказия в Тангу. Животные и вещи были погружены на поезд, отправлявшийся в Моши, и отправлены под присмотром моего помощника. Со следующим поездом отправились туда и мы с женой. Точно через зеленый туннель несется поезд между кокосовыми пальмами. Тут же виднеются поля туземцев, засеянные маисом, бананами, и сладким картофелем. Они сменяются каучуковыми и агавовыми плантациями. Ровными рядами, на одинаковом расстоянии друг от друга, стоят каучуковые деревья и агавы, с поезда же кажется, будто они расходятся длинными лучами во все стороны. Между густыми рядами покрытых богатой листвой каучуковых деревьев негры деловито черпают белый сок и скатывают затвердевший каучук в большие комья. На агавовых плантациях рабочие срезают длинными ножами спелые листья и отвозят их на телегах на фабрику для обработки. Дороги усажены тенистыми мангровыми или „железными“ деревьями. С вокзала станции Нгомеин манят к себе голубовато-сизые горы восточной Узамбары, у подножия которой лежит стан-

ция Мухеца, среди плодородной и густо населенной местности Бонде. Золотисто-оранжевые апельсины, мандарины, душистые ананасы, тяжелые грозди желтых, красных и зеленых бананов, папайи, дыни, тыквы, толстые снопы сахарного тростника и многие другие навалены горами. Туземное население с любопытством толпится на платформе, встречая и провожая друзей и знакомых. Женщины в пестро окрашенных платках поблескивают длинными цепочками на шее. Мужчины одеты большей частью в длинные канцу, т. е. в рубашки из бумажной ткани с пестро обшитым набедренником, на голове у них обычно типичный белый головной убор племени свагили или красная феска. Носильщики, доставляющие тяжести на станцию или относящие их оттуда, сидят на корточках вокруг станционного здания в примитивном наряде, состоящем из одного набедренника. На голове у них скрученные в виде тюрбана покрывала, которыми они накрываются ночью. Висящий через плечо котелок, нож и фляга, выделанная из тыквы, дополняют их путевое снаряжение.

Ближе к полотну подходят лесистые склоны Узамбарских гор.

Поезд мчится дальше, пересекает дважды у Маури реку Пангани и после шести часов езды подъезжает к станции Момбо, где можно пообедать.

К вечеру мы доехали до Буико. Там поезд остановился на всю ночь, так как в то время ночное сообщение не было еще налажено. Подкрепив силы здоровым сном, мы отправились утром в дальнейший путь. В поезде оставалось еще лишь немного пассажиров-европейцев; большая часть их сошла в Момбо, чтобы отправиться оттуда в Вильгельмсталь или в Узамбарские горы. Ландшафт постепенно совершенно изменился. Справа возвышаются крутые голые скалы горного хребта Паре, слева же петлится излучинами по саванноподобной степи река Пангани. На траве и кустах озаренной солнечными лучами степи сверкают, как брильянты, утренние росинки. То тут, то там глаз улавливает антилоп и страусов. В кустарниковой степи живут, скрытые от глаз

проезжающего, носороги, жирафы и множество всякой другой дичи. Эта местность объявлена заповедником для диких зверей. По своей значительности она уступает английскому заповеднику вдоль Угандской железной дороги.

Машинист рассказал мне, что однажды носорог вздумал вступить в бой с локомотивом. Толстокожее животное понеслось навстречу паровозу, но было откинуто в сторону и с изумлением посмотрело вслед пышущему искрами противнику.

Около полудня мы доехали до конечной станции Моши-Новая. Это один из красивейших и интереснейших уголков Африки. Окруженные тропической растительностью, мы видим впереди покрытые вечным снегом и льдом вершины Килиманджаро.

Через несколько дней прибыли из Аруши заказанные для нас запряженные быками телеги. Перед нами лежал последний, самый нудный отрезок пути.

Сделав привал на берегу реки Санга, я захотел было доставить моим племенным гусям возможность искупаться. Мы выпустили птицу из клеток. Вдруг крокодил схватил гусыню и в одно мгновение скрылся со своей добычей. Мы побежали с ружьями к берегу, и я ясно увидел в воде на глубине около двух метров у крутого обрыва белое пятно. Я нацелился, решив, что там находится голова крокодила. Раздался выстрел, и гусыня всплыла на поверхность воды. Так как спасти ее уже не было возможности, она была немедленно превращена в жаркое. Я был рад, что крокодил не схватил моего единственного гуся-самца, так как весь мой будущий гусиный питомник был бы поставлен этим под знак вопроса. Распространенное в тех местах мнение, что в верхнем течении реки Санга не водятся крокодилы, было таким образом категорически опровергнуто.

Через шесть дней мы очутились у цели. Сначала мы поселились в палатках. Для животных пришлось устроить небольшие загородки с навесами. Работы было по горло. Для домика, который предполагалось выстроить, как принято в тех местах, из гофрированного железа, было избрано

местечко на вершине холма. Просторные загородки, в которых могли бы бегать страусы, были обнесены изгородью. Чернокожие рабочие носили из близлежащего девственного леса бамбук и бревна или таскали камни для постройки. Фунди¹ строили временные загоны для животных и хижины для негров. Другие рабочие расчищали предназначенные под культуры места, и вскоре запряженный быками плуг провел первую борозду по девственной почве. Были прорыты канавы для воды, засеян маис и люцерна, посажен картофель и другие овощи, и через несколько недель все блестело пышной зеленью.

За лишения, которые приходится нести новоселу в глубине Африки, последний, если он любит природу, щедро вознаграждается. Каждый день случалось наблюдать что-нибудь новое и интересное. Птицы нисколько не боялись нас. Блестящие с золотисто-зеленым отливом нектариниды² подлетали к самому дому высасывать сладкий сок из чашечек цветов. Пестро окрашенные пчелоеды устроили себе гнезда в прибрежных зарослях у речки. На ветвях дерева, росшего у самого дома, целая колония „ткачей“ свила сотни гнезд. Трясогузки, ласточки и аисты напоминали нам родину. Между лошадьми и коровами важно разгуливают дрофы и змеядные ястребы, к которым можно приблизиться на расстояние нескольких метров. Стаями летают над водой с громким криком чайки. Нет, конечно, недостатка и в пернатых хищниках. Над нашим птичником носятся кобчики, ястребы, коршуны и вороны с белым пятном на темени, но помещение для цыплят покрыто навесом из проволоочной сетки. Огромные стаи пестро окрашенных зерноедов перепархивают над пшеничными полями. К периоду вызревания пшеницы приходится все время держать в поле сторожей, чтобы пугать этих мелких воришек. На плантациях, среди начинающих дозревать культур вскоре появляются четвероногие непрошенные гости. Пара дикобразов регулярно приходила

¹ Мастеровые.

² Медососы.

по ночам в наши картофельники. Хотя тут же рядом находилось огромное картофельное поле, они облюбовали себе как раз две грядки, на которых я посадил определенный, привезенный с собою сорт. Они уничтожили почти всю мою ценную посадку, пока я в конце концов не догадался поставить самострел. В первую же ночь попался в эту ловушку один дикобраз и был на следующее же утро зажарен и съеден неграми из племени ваньямвези. В следующую ночь снова раздался выстрел, и я радовался, что на утро найду там второго вредителя. Но к своему удивлению я увидел, что какой-то шакал имел несчастье забраться в наши края. По всем вероятностям, его приманил запах убитого предыдущей ночью дикобраза, и он потянул лапой бечевку. Живущие у реки дикие кабаны пронюхали о близости маисовых полей и стали причинять большой вред совсем уже созревшему маису. Против этих животных земледелец почти бессилен. Хорошие собаки и сторожа с жестяными трещотками являются, пожалуй, лучшим средством защиты против них. С более мелкими хищниками, нападающими, главным образом, на птицу, как ихневмоны¹, хорьки, шакалы и т. д., превосходно справлялись ящики-западни. Даже две таксы попали как-то туда „по ошибке“. Отделения для мелких животных стали мало-по-малу заполняться. Негры приносили туда из ближнего девственного леса буро-коричневых мартышек, которые водятся во множестве на горе Меру, землероек, дикобразов, ежей, серебристых бородавчатых мышей и бесчисленное множество птиц.

Эта пестроперая птичья рать поднимала в своих волебрах неистовый шум. Звонкие голоса и приятное чириканье одних заглушалось карканьем, криком, скрипом и всякой другой птичьей какофонией. Птицы, окрашенные в самые разнообразнейшие цвета, от самых ярких до буднично-серого, порхали, карабкались вверх по сетке и бегали в своих клетках, перемешавшись пестрой толпой, среди них зеленые турако, вороны с белым теменем, блестящие скворцы, круп-

¹ Фараоновы мыши.

ные и мелкие лесные голуби, разные виды ткачей, в числе их красный огненный ткач, серые мышанки, огромные рогатые вороны, ибисы, шпорцевые гуси, франколины и множество других.

Небольшие, но очень успешные экспедиции за зверями в ближайшие окрестности фермы дали вскоре обитателей для обширных загоронок, устроенных для крупных животных. Жирафы, зебры, серно-быки, болотные и лесные козлы, старые и молодые страусы мало-по-малу населили разгороженную изгоролями равнину. За домом, в поросшей высоким кустарником местности, бродило несколько стад болотных козлов. Один из этих козлов открыл, что у нас в загородке содержится прирученная козуля. Почти каждую ночь приходил он к загородке и пробовал громким свистом приманить к себе самку. Я выпускал иногда эту совершенно ручную вскормленную соскою самочку пасть за изгородь. В один прекрасный день она исчезла.

У недавно прорытой канавы какой-то носорог облюбовал себе местечко для водопоя. Идя по его следам, я набрел в густом кустарнике в нескольких километрах от дома на целую колонию этих толстокожих животных. Носороги мало интересовались нами и в 1914 г. оставались еще на месте.

Перед домом тянулись на протяжении полутора километров в длину и ста метров в ширину краали, по которым бегали свободно страусы в количестве около тридцати штук, приобретенные мною еще раньше от одного фермера. Они были совершенно ручные и очень доверчивые. Когда звонил колокол для рабочих, страусы прибегали к нам, хорошо зная, что этот звук является одновременно сигналом к кормежке. Каждый страус получал ежедневно (не считая пропитания, которое он находил себе в течение дня на воле) около килограмма концентрированного корма, как маис, рожь и т. п.

Разводить страусов так, чтобы это было прибыльно, дело совсем нелегкое. Страус разводится исключительно ради своих перьев, имеющих высокую ценность на рынке. Черные и белые перья получают от самцов, самки же дают

лишь серые перья. В дело идут, прежде всего, перья крыльев и хвоста. Перья диких страусов по красоте и качеству стоят ниже, чем перья их прирученных, пользующихся заботливым уходом родичей.

С наибольшим успехом разведение страусов ведется в южной Африке, но я думаю, что с течением времени при правильной селекции красивый вообще и крупный восточно-африканский страус (*Struthio masaicus* Neumann) может стать выдерживающим конкуренцию поставщиков перьев. Чтобы страус чувствовал себя хорошо, ему необходимо большое огороженное пространство. Затем в почве должно быть много мелких камешков, которые эта огромная птица проглатывает для пищеварения. Приходится тщательно следить за их здоровьем и часто кормить их лекарствами, так как они страдают от разных паразитов, особенно от глистов. К сырости как взрослые страусы, так и их птенцы крайне чувствительны. При приближении гроз, разражающихся часто совершенно внезапно, у жены моей, снявшей с меня заботу о пернатых питомцах, всегда была масса работы. Кроме концентрированных кормов, важную роль в питании страусов играет люцерна. Это кормовое растение особенно необходимо для правильного развития и роста птенцов. Для страусоводов засев больших полей люцерной является необходимым условием. Общее количество корма, которое нужно ежедневно давать взрослому страусу, равняется кормовой даче лошади. Заняться разведением страусов нельзя без достаточного основного капитала.

На четвертом году страус достигает половой зрелости. Когда наступает время случки, птицы, предназначенные на племя, помещаются в особые отделения по несколько штук так, чтобы на одного самца приходилось две-три самки. У самцов шея и ноги окрашиваются в красивый, алый цвет, а токующий крик его разносится глухими раскатами широко по окрестности. Самки кладут яйца в общее гнездо. Оба пола несут заботы о потомстве. Через шесть недель вылупляются птенцы. Вырастить их нелегкое дело. Они требуют заботливого ухода и кормления, но очень доверчивы и до-

ставляют своему воспитателю много радости. Часами можно смотреть, как эти окрашенные в черный и желтый цвета птенцы, величиной с взрослую курицу, пощипывают листья люцерны. Птенцы быстро подрастают и в шесть месяцев уже дают первые перья, имеющие однако невысокую цену на рынке.

При хорошем уходе и корме перья можно резать каждые шесть месяцев. Для этой цели страусов загоняют в небольшую загородку, там надевают им на голову капюшон или мешок. После этого птицу ставят в трехугольную стойку и крепко держат в ней. Крылья свешиваются над стойкой и „созревшие“ перья, которые узнаются по жестким сухим стержням, срезаются ножницами. Спустя четыре—шесть недель страус подвергается той же процедуре, и засохшие стволы перьев, если только он сам их не выклевал, удаляются щипцами, для того, чтобы они не мешали расти новым перьям. К этому делу приходится приступать с большой осторожностью и прекращать выдергивание стволы, если на кончике их покажется хоть одна капля крови. Неумение резать перья может совершенно обесценить страуса.

Понемногу прибывали к нам все новые европейские животные: свиньи, лошади, ослы, необходимые для разведения мулов, а также два самца и две самки известной помеси зебу из императорского имения Кадинен. Жеребята, телята и ослята жили настолько дружно с гну, элен-антилопами и т. д., что их можно было вместе выгонять на пастбище.

Благодаря постоянному соприкосновению с человеком животные очень быстро привыкают к нему. Один жеребец и молодая элен-антилопа, жившие друг с другом в неразрывной дружбе, никогда не пропускали случая подойти утром или вечером к двери моего дома за подачкой. Молодые носороги без стеснения залезали прямо в дом, и беда бывала, если моей жены не оказывалось там, чтобы дать им по куску сахара. Стулья и столы летели кувырком; однажды при этом разлетелась вдребезги наша единственная настольная лампа.

Несмотря на трудную работу и лишения первых месяцев, наша привязанность к делу нисколько не ослабевала. Плодородная вулканическая почва давала богатый урожай. Без удобрения картофель, капуста, салат, морковь, редиска, огурцы, дыни, тыквы, томаты, ревень, земляника, бобы и горох созревали в таком изобилии, что я мог с лихвой покрывать все потребности как свои личные, так и своих животных. Кроме того, у меня были посажены фруктовые деревья — персики, древесные томаты, фиги, апельсины, лимоны, миндаль, капская малина, яблони, сливы, виноград и бананы. Загородки для зверей и дороги я обсадил тенистыми деревьями — дубильной акацией, „железными“ деревьями, эвкалиптами и т. д. Постройки выросли одна за другой, и вскоре мы переселились из палаток в свой дом, построенный из гофрированного железа.

Постепенно я подыскал для работы людей соседнего племени негров. Наиболее пригодными для работ на земле и на ферме оказались негры племени вазукума, среди негров же вамеру я нашел достаточно толковых людей для ухода за зверями.

Глава VI

Ловля зебр

В „железный фонд“ каждого зоологического сада входит обязательно, кроме „тяжелой артиллерии“, как хищники, толстокожие, буйволы, зубры и т. д., также некоторое число африканских диких лошадей — зебр.

Бродячие зверинцы и цирки охотно приобретают этих изящных полосатых лошадок. Неудивительно поэтому, что на зверином рынке на этот „предмет“ имеется всегда очень оживленный спрос.

Принадлежащий к семейству лошадиных животных вид „зебра“ (*Hippotigris*) во множестве разновидностей распространен по всей тропической и субтропической степной области Африки.

Область Сомали, Абиссиния и северная часть британской восточной Африки являются родиной зебры Греви (*Hippotigris grevyi* Oustale). Эта разновидность является наиболее крупным представителем всего вида, обладает чрезвычайно частополосчатым покровом и своей внешностью показывает, как южно-африканская форма (*H. Zebra* L) приближается некоторым образом к ослиной породе в то время, как другие разновидности более напоминают по виду настоящую лошадь. В южной Африке мы встречаем „тигровую лошадь“ Чепмана (*H. chapmani* Layard), область распространения которой простирается на север до Замбези. Существует, однако, предположение, что она встречается также и в окрестностях озера Ньяса. Если это подтвердится, то названную разновидность зебры можно будет считать также в числе представителей фауны германской восточной Африки, хотя

и для весьма малой только ее области. С полной уверенностью доказано наличие в германской колонии пока трех разновидностей вида *Hippotigris*, а именно: зебра Бема, (*H. böhmi Mtsch*) зебра Гранта (*H. granti de Winton*) и муанзская зебра (*N. Muansae Mtsch*). Эти три формы весьма схожи по виду, обнаруживая лишь очень малые различия. Основной цвет этих животных белый, от плеч до ляжек обычно семь широких чернобурых поперечных полос, ноги тоже пересечены темными полосками приблизительно до ляжек. Во взрослом состоянии зебра Бема превосходит несколько своих родичей ростом. Небольшого примера может быть достаточно, чтобы сделать наглядной эту разницу в величине тела: длина черепа зебры Бема всегда больше пятидесяти сантиметров, в то время как у зебры Гранта она едва достигает этой величины. Относительно области распространения обеих разновидностей можно заметить, что зебру Бема мы встречаем на юге и в центре колонии, в последней преимущественно в степи Мкатта. Кроме того, она встречается в южной части степи масаи и в местностях, простирающихся к северу от реки Пангани, от берега моря до Килиманджаро. Зебра Гранта является обитательницей северной части степи масаи. Попутно следует заметить, что границы областей распространения обеих разновидностей еще не установлены с полной точностью и уверенностью. В степях к востоку от Меру, где я предполагал заняться ловлей зебр, я мог во всяком случае рассчитывать встретить только зебру Гранта¹. Как я ловил и брал в неволю этих животных, я и хочу рассказать на следующих страницах.

Я совершил несколько экскурсий в степь и познакомился при этом в расположенной на юго-западном склоне Меру бурской колонии Ольдонье-Самбу с одним очень славным буром Адрианом де Бээр, оказавшим мне большие услуги в ловле. У него на ферме нашел я обширный и самый удобный водоем. Я распорядился устроить поблизости небольшой

---

¹ На юго-востоке от озера Виктория встречается разновидность *N. muansae*.

крааль, в котором имел в виду держать пойманных животных.

Мы сначала разведали местность, понаблюдали за зебрами и установили наиболее пригодные места для ловли. Во время одной из таких верховых прогулок мы увидели в лучах заходящего солнца трех колоссальных львов, показавшихся перед нами на холме в расстоянии 400 метров от нас. Я крикнул своему оруженосцу, чтобы он подал мне ружье, но, промахнувшись, и звери скрылись огромными прыжками в кустарнике, которым была покрыта степь. Со следующего дня мы приступили к ловле зебр посредством лассо.

Употребляемые для этой цели лассо бывают не так длинны, как те, что употребляются в американских степях для охоты на диких лошадей, и бросают их тоже не так. Их укрепляют на длинных, тонких, легко ломающихся палках так, что петля и кольцо находятся на конце палки. Хороший наездник и быстроногая лошадь являются необходимым условием удачной ловли, так как зебры, как все степные животные, бегают очень быстро и неутомимо. Необходимо подъехать вплотную к намеченному животному и бросить лассо палкой ему на голову. Если это удалось, всадник быстро соскакивает с лошади и крепко держит лассо, пока подоспеет кто-нибудь еще на помощь. А до тех пор пойманная зебра совершает дьявольский танец вокруг охотника,—бодает его, лягает ногами, кусает и всякими способами старается стряхнуть с себя петлю, и нужна громадная сила, чтобы удержать на привязи сильное животное. Тем временем подходят негры и принимаются за добычу. Лассо подтягивается, животное схватывают за уши и крепко держат, пока не удастся надеть ему тщательно испробованный недоуздок, так как при малейшем недосмотре животное впивается зубами куда попало. С пойманным животным надо обходиться столь же осторожно, как и с жирафами, иначе случается, что они приходят в дикое возбуждение, и падают замертво от разрыва сердца. Пойманную зебру ведут с кроткой, но неослабной настойчивостью в приготовленный заранее крааль, где ее отпускают на волю. В краале

она, конечно, начинает опять беситься, но никуда не может убежать и мало-по-малу успокаивается. В первый же день нам удалось поймать очень красивый экземпляр, а за две недели у нас уже было их в краале целых восемь штук.

Не раз мне приходилось быть свидетелем, как от пробегавшего мимо стада отставали совсем еще молоденькие сосунки-зебры и с громким ржаньем подбегали прямо к нашим лошадям. Один такой сосунок пробовал было даже пососать мою лошадь. Эти не имевшие для меня никакой цены младенцы-зебры выглядят со своей пушистой полосатой—белой с бурым—шерстью очень мило. К сожалению, они очень чувствительны и не стойки, и их очень трудно вырастить, так как материнского молока, необходимого им в этом возрасте, нельзя заменить никаким другим молоком. Нам стоило всегда много труда отвязаться от этих приставших к нам несмысленнейшей, не желавших ни за что отставать от наших лошадей. Через некоторое время находится обычно мать, старающаяся своим лаеподобным ржанием приманить к себе детеныша.

В Ольдонье-Самбу явились ко мне двое граждан—Янза и Шуман. Они охотились в разных местах на крупных зверей, делая одновременно кинематографические съемки, но пока что им с последними не очень везло. Оба гостя оставались у нас в лагере несколько дней. Гражданин Янза уезжал обратно в Европу; Шуман же, узнав, что, покончив с ловлей зебр, я собираюсь отправиться ловить носорогов, предложил мне взять его с собой и сообща делать кино-съемки. Я принял его предложение.

Неподалеку от Ольдонье-Самбу тянулось начинавшееся у западного склона Меру ущелье, устье которого терялось в отлого спускающейся травяной степи. Безводное в засушливое время, оно в дождливый период служило руслом протекающему по степи ручью. Края ущелья подымались круто на пять-шесть метров от дна. Средняя ширина его составляла 30—40 метров. Ущелье это было проходимо только в двух местах, отстоявших друг от друга приблизительно на полтора километра. Мне удалось заметить сле-

дующее: большое стадо зебр, пасшееся в продолжение дня в расстилавшейся к югу от ущелья степи, ночью направлялось через верхний проход на водопой к канаве и возвращалось обратно через лежащий ниже второй проход. На этом расположении я и построил весь свой план, рассчитывая поймать все стадо или, по крайней мере, часть его. Широким полукругом между канавой и ущельем я устроил на протяжении нескольких километров заграждение из колючей проволоки и кустарника и загородил нижний проход через ущелье и самое ущелье выше и ниже обоих проходов деревьями и колючим кустарником. Таким образом между южным краем ущелья и построенной мною изгородью образовался огромный крааль-западня.

Главное дело состояло в том, чтобы отрезать приходящим ночью на водопой животным обратный путь и загнать их в приготовленный для них крааль-западню. Сообразно с этим необходимо было быть все время на-чеку и с возможной быстротой загородить вход при помощи заранее заготовленного материала, например, колючего кустарника и т. п. Я прекрасно понимал, что как только зебры наткнутся на изгородь у выхода, они ринутся во весь опор к первому проходу. Приготовления потребовали много работы, но вскоре все было вполне готово. Даже вдоль двух расположенных поблизости неглубоких водоемов были расставлены шесты с развевающимися флажками и бумажками, так как зебры, подобно другим животным, пугаются этих безобидных предметов и таким образом должны были непременно пойти к нашему краалю.

Несколько ночей под ряд подкарауливали мы желанную добычу, но, к сожалению, все время напрасно. В конце-концов загадка разрешилась: какой-то завистливый бур прорыл у себя на ферме канаву от водоема фермы де-Бэера и отвел таким образом воду больше чем на километр в степь. Зебрам незачем было ходить в наш крааль. Надо было отпугнуть животных от нового водоема. Я решил продежурить там несколько ночей.

Уже к вечеру мы увидели в безлесной степи несколько больших стад зебр, направляющихся к водоему. Когда стем-

нело, я отправился со своим помощником, с одним ружьем и потайным фонарем, к упомянутой выше канаве. Несколько часов просидели мы в ожидании. Холодный северный ветер обдувал с покрытой снегом горы Меру степную равнину. Мы кутались в теплые пальто.

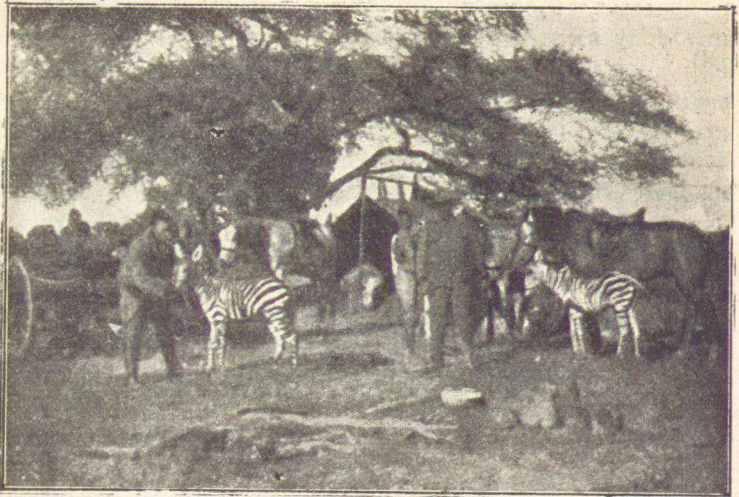
Было около полуночи, сон одолевал нас, когда мы услышали совсем близко от себя вой гиэны. Последняя подошла к канаве, напилась и скрылась в темноте. Вскоре после этого раздалось совсем близко фыркание зебр. Они подходили одна за другой, и мне удалось заметить, что приближается большое стадо. Громко прокатился первый холостой выстрел в ночной тишине. Поднялся невообразимый топот. Второе стадо находилось вверх по канаве на водопое и в безумном бегстве понеслось прямо на нас. Я выстрелил еще несколько раз в воздух, а помощник мой взял фонарь и стал высоко светить им вдаль. Несколько сот зебр пронеслось мимо нас, подняв облако режущей глаза пыли.

Мы побежали к нашему краалю и, действительно, услышали в нем топот зебр. Поспешно загородили мы вход и, когда стало светать, к величайшей своей радости, увидели десяток великолепных зебр в западне. Один старый жеребец оказался настолько смышленным, что опустил на колени, просунул голову в слабом месте изгороди и таким образом выбрался на свободу. Пока я успел добежать туда, чтобы погнать животных обратно, восемь других последовали его примеру, так что у меня в краале осталась только одна зебра.

Я велел укрепить со всех сторон изгороди крааля и тщательно проверить их прочность. На ближайшее время животные были так напуганы, что только жажда могла их заставить притти еще раз. Зебра может обходиться без воды двое суток, но не больше.

Так пролежал я со своим помощником еще не одну ночь, подкарауливая животных, пока, наконец, однажды утром, еще до рассвета, какое-то стадо зебр забрело в наш крааль. Я выждал немного, потом дал сигнальный выстрел

и побежал к входу. Судя по топоту, можно было полагать, что в краале находится большое стадо. Когда вход был поспешно закрыт и обставлен караульными, нам удалось насчитать при лунном свете около шестидесяти штук. Трудно описать дикое зрелище, какое представляли собой

Пойманные зебры.

мечущиеся в безумном испуге зебры, бросавшиеся от одной стены ущелья к другой и снова пускавшиеся вскачь кругом. Вскоре вся местность была окутана облаком пыли. Все сошло бы благополучно и животные мало-по-малу успокоились бы, если бы собаки ближайшей бурской фермы не пришли, почуяв дичь, в положительное неистовство. Они сорвали или перекусили свои привязи и бросились прямо в гущу стада. Все стадо, точно по команде, ринулось сомкнутой колонной на изгородь, преграждавшую вход, опрокинуло ее, несмотря на мои выстрелы, и умчалось, перескакивая через все преграды. Мне с трудом удалось спастись от их копыт, спрятавшись за скалу. Пятнадцать

штук отставших испугались выстрелов и вернулись. Мы погнали их к нижнему концу ущелья, где находился вход в небольшой крааль, в котором они и содержались некоторое время. Пришлось установить за ними тщательный надзор и, прежде всего, дать им пить. Я велел своим неграм притащить ведра с водой и поставить внутри крааля. Сам я спрятался поблизости, чтобы посмотреть, станут ли зебры пить воду из этих искусственных резервуаров. Как только негры удалились и зебры почуяли воду, они прибежали, гонимые жаждой, пугливо озираясь по сторонам. В конце-концов одна из зебр решила ткнуться мордой в ведро. Испуганная, однако, металлом или по какой-нибудь другой причине, она стала на дыбы, повернулась и ускакала. Остальные помчались в диком галопе за нею. Ведра опрокидывались на землю одно за другим, и вся вода из них вылилась. Ничего не осталось, как провести небольшую канавку от близлежащего водоема, после чего они могли, наконец, утолить свою жажду и немного успокоились. На ночь были поставлены вокруг крааля караульные и всю ночь горели костры, чтобы не дать возможности львам превратить нашу ловушку в удобное для удовлетворения своих хищных appetитов учреждение.

Немного спустя все пятнадцать зебр были переловлены при помощи лассо и отведены на ферму. Десять штук из них прибыли впоследствии благополучно в Гамбург и служили там украшением Штеллингенского зоопарка.

Глава VII

Ловля диких страусов и антилоп

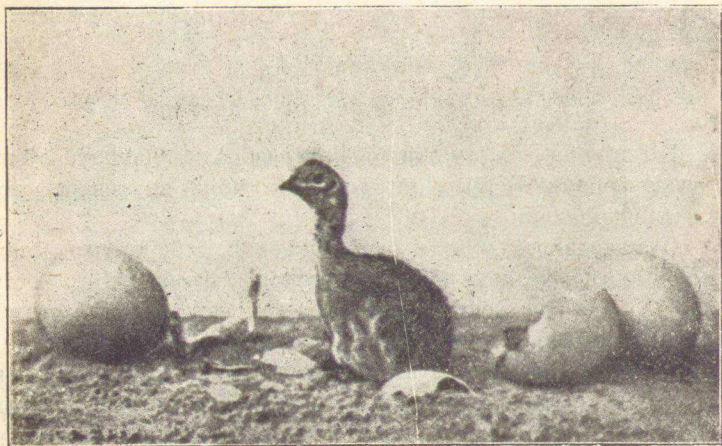
На этот раз местом для ловли мы избрали обширную степь между горами Меру, Лонгидо и Китумбин на севере германской колонии.

Я отправился вместе с моей женой, с буром и с моим помощником на двух бурских телегах к намеченному месту охоты. Прежде всего я опишу, как ловят диких страусов. В этом деле практикуются две системы.

Отыскивают гнездо, которое обычно находится в степи просто в невысокой траве. Самки при этом убегают. Тогда охотники огораживают гнезда невысокой изгородью из веток, метров в десять в диаметре и сантиметров в тридцать высотой. Через такую изгородь родители легко возвращаются назад, чтобы продолжать высиживание яиц. Охотники проверяют через день, через два, вылупились ли уже молодые птенцы или нет. Изгородь мешает только что вылупившимся птенцам убежать за родителями. Таким образом, когда птенцам уже пойдет второй, третий день, их можно без труда взять из гнезда.

Если детеныши-страусы уже бродят по степи с родителями и достигли величины взрослой курицы, их трудно заметить в траве, так как они окрашены в защитные цвета. Чуть только взрослые птицы замечают опасность, они зывают птенцов при помощи своеобразных, напоминающих танец движений широко распростертых крыльев. Для опытного охотника это самый верный признак, что при страусе есть птенцы. Как только он увидит издали эти танцеподобные движения, он должен приступить к охоте.

Начинается бешеная скачка. Сначала птенцы бегут бойко, не отставая от родителей. Если они выросли уже до величины индюка, охота на них безнадежна. Но пока страусята еще малы, они пытаются спрятаться в траве, внезапно опускаясь на землю, и лежат на ней без движения. Их превосходная защитная окраска делает для охотника, возбуж-

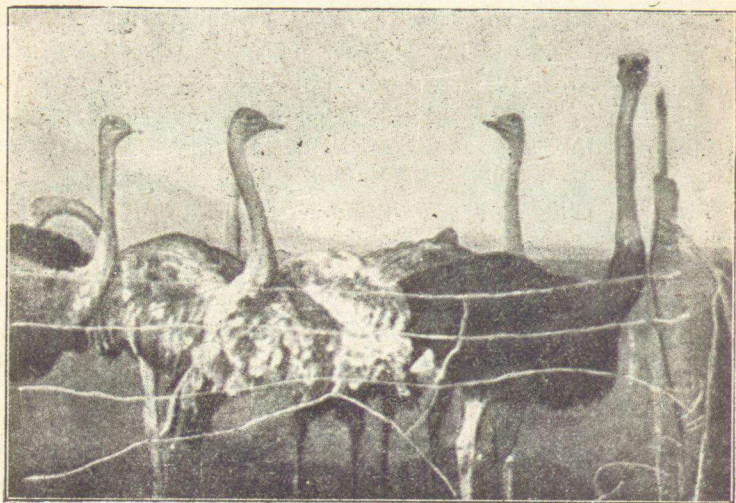
Страус-детеныш.

денного бешеной скачкой, почти невозможным различить птенцов среди окружающего их фона. Он соскакивает с коня, ловит и связывает птенца и мчится дальше. Выводок у страусов доходит часто до тридцати штук птенцов. Если сил у лошади достаточно, можно повторить подобную процедуру несколько раз. Потом приходится вернуться по своим следам и разыскать связанных птенцов, если их не подобрали идущие следом за охотником негры.

Для ловли страусов необходимо получить особое письменное разрешение колониального управления, которое выдается лишь желающим разводить страусов. Главными врагами страусов являются, насколько мне удалось подметить, гиены и шакалы, разрушающие гнезда и систематически

преследующие птенцов. Охотясь на живых страусов, я заметил однажды четырех шакалов, гнавшихся среди белого дня за птенцами-страусами и лишь при приближении наших лошадей оставивших их в покое. За время своей охоты в Ольдонье-Самбу нам удалось поймать всего двадцать восемь страусов.

Страусы в загородке.

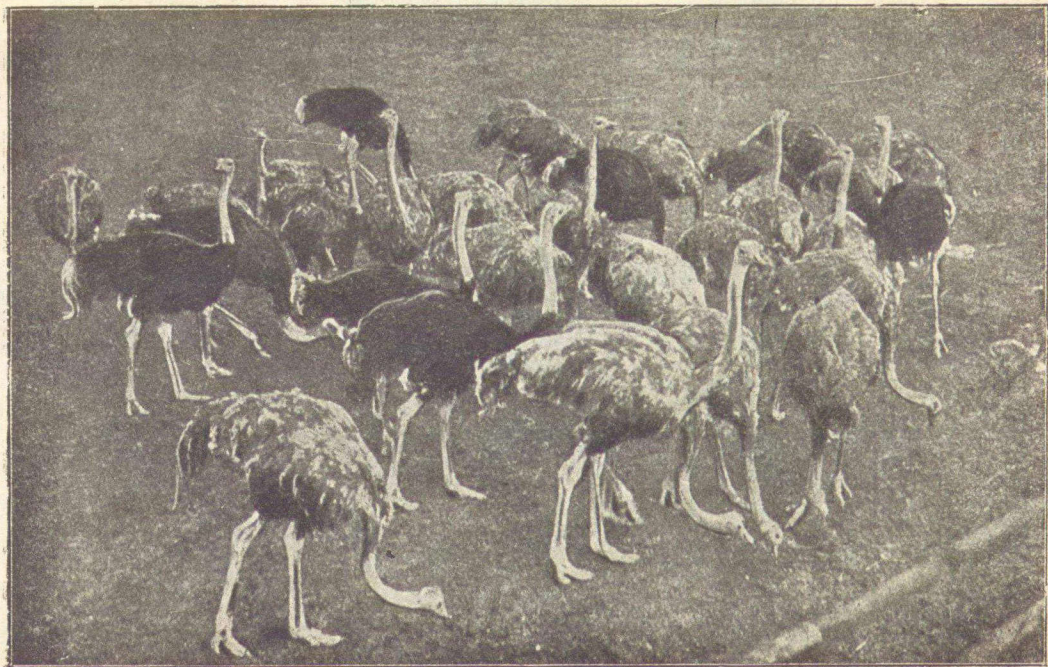
Пойманных птенцов надо как можно скорее отвезти на ферму и там начать кормить люцерной и зерном. Эту обязанность приходится обязательно возлагать на одного и того же сторожа, чтобы страусы к нему привыкли. Через несколько дней можно уже отправлять его со страусятами на пастбище, где он все время подзывает к себе птенцов и кормит их.

Местность у Ольдонье-Самбу оказалась пригодной также для ловли серно-быков. Местами попадаются там обширные равнины без единого дерева или куста с резко выраженным степным характером. Такие равнины особенно

охотно избираются названным видом антилоп как места для пастьбы.

Серно-бык (иначе орикс-антилопа), серна германской восточной Африки (*Oryx callotis* Taos) представляет собой крупный вид антилопы коричневатого цвета, кроме живота, покрытого белой шерстью. На ушах у нее имеются длинные кисточки волос. У обоих полов имеются длинные, большей частью прямые или слегка лишь отогнутые назад рога, имеющие у самок более длинную и более тонкую, а у самцов—более короткую, но крепко сложенную форму. Эти рога служат животному необычайно сильным и страшным оружием, которым оно умеет очень ловко пользоваться в случае необходимости. Охотник, приближающийся к раненому серно-быку, чтобы взять его в неволю, должен быть всегда готов к неожиданному нападению раненого зверя и иметь наготове копье или дротик для самозащиты. Вид *Oryx* довольно широко распространен. Близкие родичи обитающей в восточной Африке разновидности (*O. callotis*) имеются в южной и юго-западной Африке, в стране Сомали и в Аравии.

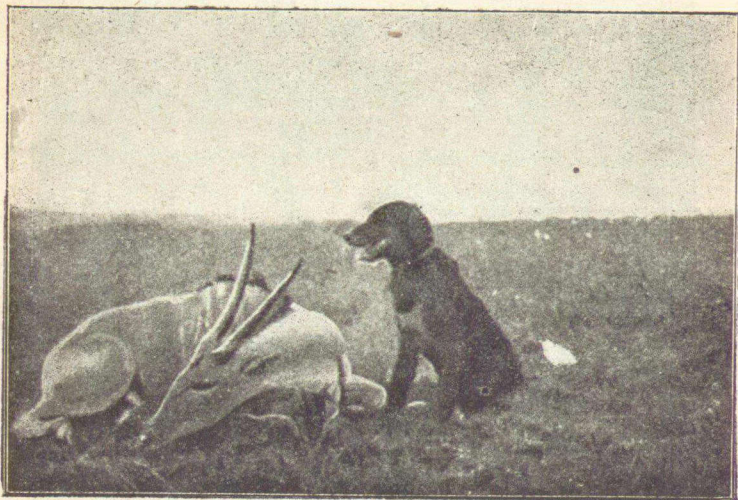
Как у большинства представителей дико-живущих зверей, так и у серно-быков ловить можно лишь детенышей. Недели через три-четыре после помета—самое удобное время, когда можно поймать телят. При этом действуют совершенно так же, как при ловле зебр, налетая верхом как можно ближе к стаду и стараясь заставить детенышей оторваться от него. Нагнав их, очень трудно, из-за довольно длинных рогов, накинуть им на шею лассо. Но если это удалось, тогда приходится все же еще повозиться с этим необычайно упрямым степным козлом. Молодые телята серно-быков ведут себя как сумасшедшие; наклонив голову, они пытаются посадить на рога каждого, кто пробует к ним приблизиться. Прекомичные сцены происходят во время подобной ловли. Однажды, когда мы преследовали одного молодого серно-быка, последний бросился от нас прямо в листву опрокинутой мимозы, и мой помощник, не будучи в силах удержать свою лошадь, сделал гигантский прыжок

Стадо страусов на ферме.

за ним вслед. Лошадь и всадник проскочили через колючие, хрупкие ветви, а довольно крупный уже серно-бык застрял в них и повис.

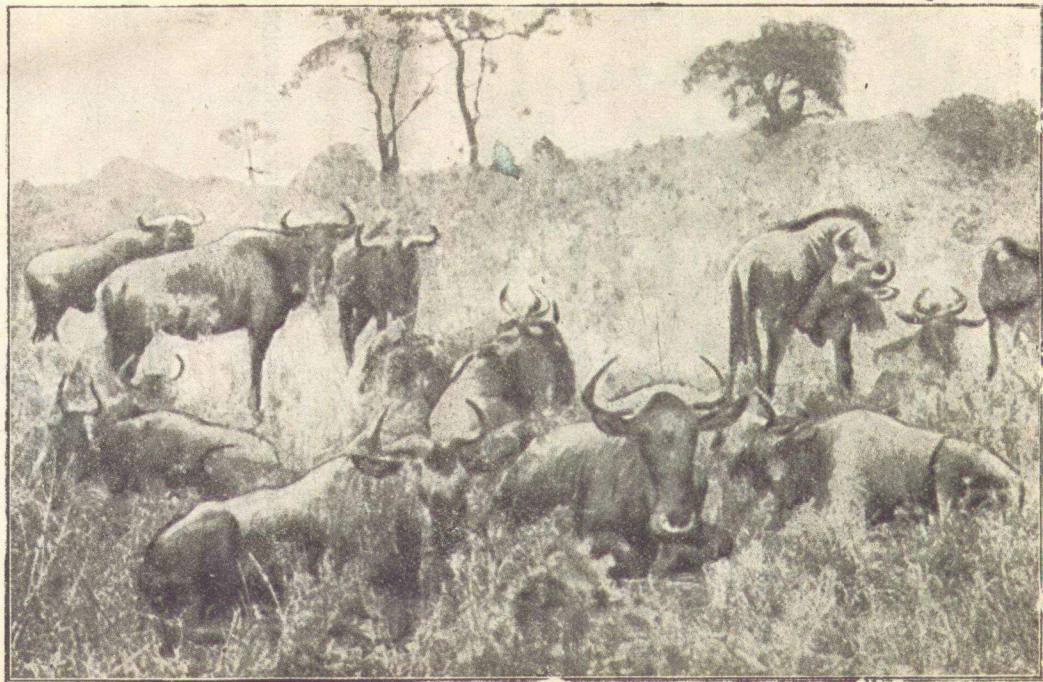
При ловле серно-быков, жирафов и зебр все то, что я говорил при описании охоты на слонов относительно собак, относится и к лошадям. Как необходимо приучить собак к незнакомому зверю, так же приходится приучать

Наш пес сторожит антилопу.

и лошадей. Лошадь питает инстинктивное отвращение к незнакомому ей животному. Иное дело, когда она привыкает к нему и научается помогать хозяину. У меня были случаи, когда моя лошадь принимала такое активное участие в погоне за зебрами, что, нагнав зебру, буквально кусала ее зубами. При ловле серно-быков, имеющих привычку сворачивать круто на бегу, лошадь без моего понукания делала такие же крутые повороты.

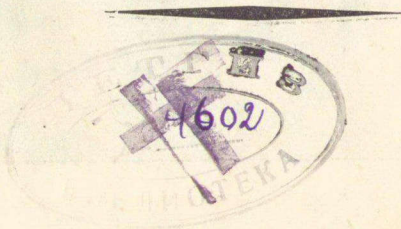
Больше всего вызывает отвращение у лошади, повидимому, бородавчатая свинья. Эти животные живут в степи,

Стадо антилоп „гну“.

в норах, которые самки оставляют часто среди бела дня со своими детенышами, отправляясь искать для них пропитания. Бородавчатая свинья (*Phachaeus aeliani massaicus* Lönnberg) по величине равна приблизительно нашему кабану. Это — всеядное животное, вооруженное очень сильным оружием в виде бивней и двух очень сильно развитых, далеко выступающих изо рта в сторону клыков. По своей внешности это, бесспорно, одно из самых отвратительнейших из существующих животных. Завидев матку-свинью с поросятами, охотник мчится вслед за нею во весь опор. Комический вид имеет при этом старая матка с поднятым на бегу прямо кверху хвостом. Она старается поскорее добежать до какой-нибудь норы и запрятаться туда с поросятами, поэтому необходимо хоть одного, а если удастся — нескольких поросят оторвать от всего выводка и угнать в сторону. Когда бородавчатый поросенок утомится, он поворачивается назад и пробует напасть на всадника. Всадник быстро соскакивает с лошади, стараясь схватить поросенка. Лучше всего, если удастся схватить его за зад в то время, как он изо всех сил отмахивается во все стороны своим длинным рылом и короткими, но уже острыми бивнями. Эти отвратительные животные визжат так, что хоть затыкай уши. Их визг действует на нервы даже прекрасно выдрессированной лошади. Очень удобно бывает иметь при себе во время охоты на бородавчатых свиней мешки, в которые можно бросать пойманных поросят.

В неволе бородавчатые поросята становятся очень доверчивыми и совершенно ручными.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. В восточную Африку—для зоопарка Карла Гагенбека	7
„ II. Охота на берегах Руфиджи	26
„ III. Ловля жирафов в районе Меру	55
„ IV. По степям Масаи к английскому заповеднику	72
„ V. На нашей звериной и страусовой ферме	83
„ VI. Ловля зебр	93
„ VII. Ловля диких страусов и антилоп	101

2001

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК и МК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая площадь, д. 6

НОВЫЕ КНИГИ:

БИБЛИОТЕКА МОЛОДОГО НАТУРАЛИСТА

Берг Б. — **Крылатый друг**. Перевод с немецк. Н. и М. Горбуковых. С иллюстр. 1930. 48 стр. Ц. 35 к.

История дружбы маленькой птички лаголь со странствующим в горах Лапландии натуралистом. Натуралист, автор книги, проводит у гнезда целые часы, наблюдает за птичкой и старается добиться доверия птички настолько, чтобы она без боязни высиживала своих птенцов у него на ладони. Много снимков с натуры.

Биб У. — **На дне тропического моря**. Из впечатлений водолаза. Сокращ. перевод с англ. С. Тюрберг. Примечания Н. Н. Плавильщикова. 95 стр. Ц. 90 к.

Книга представляет собой ряд живых красочных очерков, рисующих жизнь подводного мира. Описание ведется от лица водолаза, участника научной экспедиции, предпринятой американцами на Гаити. Книжка снабжена большим количеством интересных рисунков, изображающих своеобразную жизнь подводного мира и его обитателей.

Флейрон Свен. — **Воструха** (Щучий роман). Перевод И. Мандельштама. С обложкой и иллюстрациями М. Доброковского. 1930 г.

В книге рассказана история одной щуки: как она из маленькой рыбешки, величиной с штопальную иглу, превращалась постепенно в огромную прожорливую хищницу, наводящую страх не только на обитателей озер, но и на рыбаков. Книга дает много сведений о рыбах и водяных растениях.

Флейрон Свен. — **Келла** (Телка из Одингфа). Перевод А. и Э. Чубиных. Обложка и рисунки худ. Л. Бруни. Для детей среднего и старшего возраста. 88 стр.

Героиня „романа“ — телка Келла. Автор следует по пятам своей героини со дня ее рождения до того момента, когда она окончательно одряхла; одновременно показывает читателю сильные и слабые стороны техники и культуры молочного скотоводства, знакомит с наукой о разведении, выращивании, кормлении, уходе и использовании этого скота.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК и МК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая площадь, д. 6

Джонсон М. — **Сафари**. Для детей старшего возраста. Перевод М. Гершензон. 1930. 120 стр. Ц. 85 к.

Приключения американской киноэкспедиции, отправившейся в мало изученные области Африки с целью заснять диких зверей в естественных условиях. Книга, написанная в форме путевых воспоминаний, дает большой естественноисторический и этнографический материал.

Дуров В. Л. — **Мои звери**. С предисл. А. Алтаева. Обл. и тит. лист худ. А. А. Суворова. Иллюстр. худ. В. А. Милашевского. 1930. 270 стр. Ц. 2 р., перепл. 90 к.

Рассказы известного дрессировщика животных Дурова о том, как, скитаясь по белу свету со своими четвероногими друзьями, он наблюдал и изучал их жизнь и нравы: как лаской и терпением дрессировал своих любимцев; как он показывал в цирке выступления свиных-путешественницы, ученых собак, крыс, морских львов и других своих цирковых артистов. Краткая биография Дурова.

Мухарджи. — **Джунгли**. Перевод К. Бинштох. Обложка и рис. М. Цикова. 1930. 145 стр. Ц. 90 к., перепл. 35 к.

На фоне картин из жизни джунглей показан быт индусского крестьянина-охотника, находящегося в постоянной борьбе с природой. В книге описана история дружбы мальчика и слона. Как умное животное, не видя своего хозяина много лет, узнало его при встрече.

Обручев. — **Плутония**. 12 п. л. (печ.) Необычайное путешествие в недра земли.

Повесть о том, как полярные путешественники набрали на местность, в которой сохранились условия доисторического мира. Книга знакомит с начатками геологии и палеонтологии.

ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

Книжной базе Изд-ва ЦК ВЛКСМ „Молодая
Гвардия“ — Москва, Новая пл. 6.

При заказе высылать задаток в размере 25%.

Заказы до 2 р. выполняются по получении всей стоимости
заказа (можно почтовыми марками).